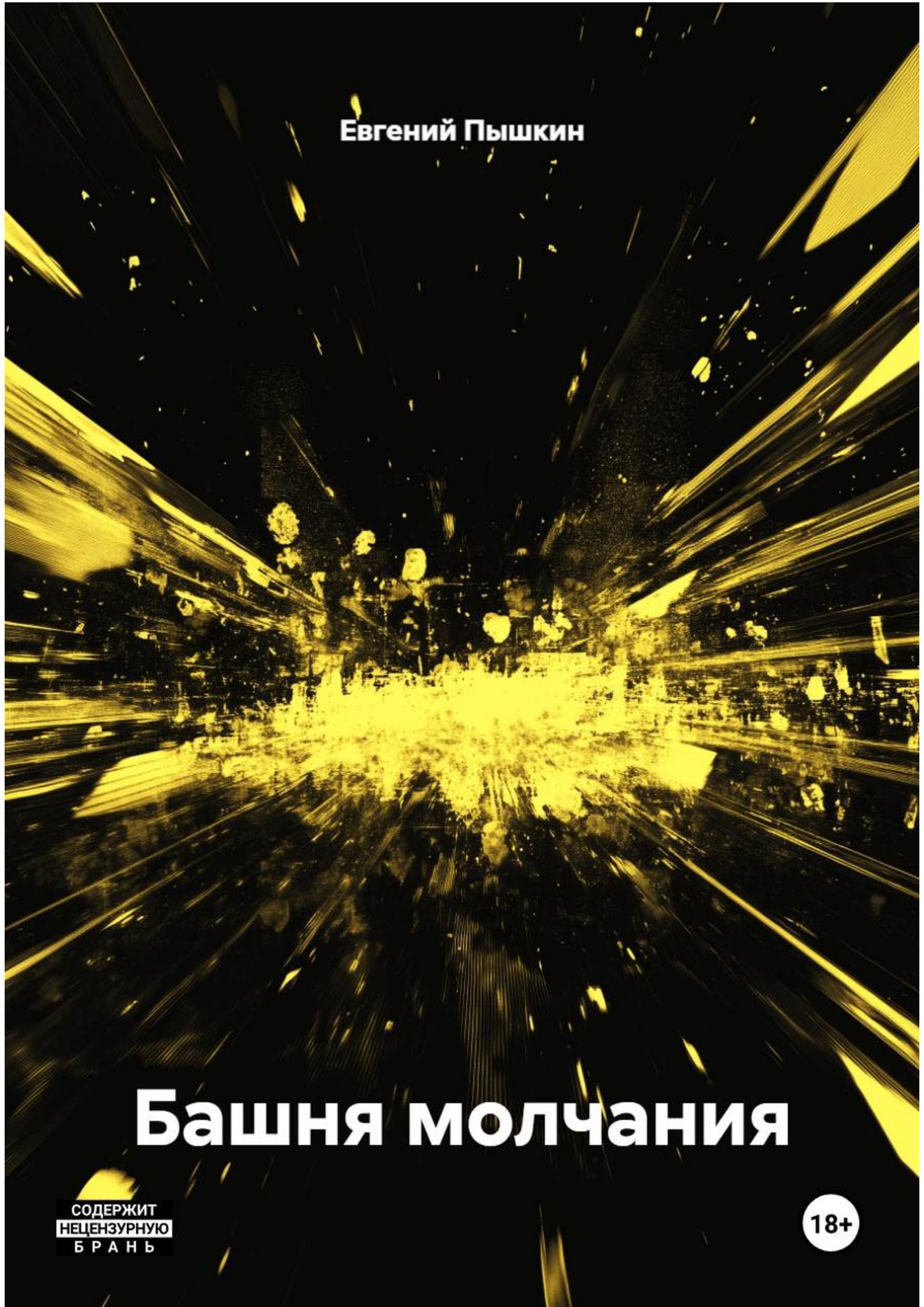

Евгений Пышкин

Башня молчания

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Пышкин

Башня молчания

«Автор»

2026

Пышкин Е. А.

Башня молчания / Е. А. Пышкин — «Автор», 2026

Есть известный писатель, есть известный философ, а также журналист. Журналист отправляется в командировку узнать правду о сыворотке правды, что на самом деле не существует, как не существует и войны. Есть инспектор, расследующий дело об обороте наркотика крип-крэп, а еще имеется янтарная комната, обнаруженная под поверхностью Марса. И нить расследования ведет к корпорации "BIOTEC".

© Пышкин Е. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Лимб	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Евгений Пышкин

Башня молчания

Часть первая. Лимб

*"Нет пастыря, есть одно лишь стадо!
У всех одинаковые желания, все равны;
тот, кто мыслит иначе,
добровольно идет в сумасшедший дом."
Фридрих Ницше "Так говорил Заратустра"*
Случайное утро.
Солнечное начало дня.

Сладко потянувшись в постели до мышечных судорог, вдохнув запах свежих простыней, почувствовав разгоряченной после сна кожей приятную шершавость ткани, каждую ее ниточку, прогрессивный писатель Бенджамин Ян встал с кровати. Шелковые трусы-шорты приятно облегали бедра, пол охлаждал ступни, и Бен на мгновение застыл в легкой истоме, припоминая сон.

Что снилось?

Снился новый роман.

Почему-то в сновидениях всё выглядело, слышалось и осязалось идеально. Ни одна нелепость, ни один заусенец, ни один шов не просматривался. Реальность сна конструировалась эклектично из разных частей, затем превращалась в мягкий кокон, а вот швы, морщины и складки не наблюдались, а кроме всего прочего, та реальность была данностью, законы которой принимались безоговорочно. Каждую ночь, появляясь во сне Бен, естественно, возникал в нем впервые. Но внутренний голос спорил: нет, ты не в первый раз здесь, ты всегда существовал в этой вязкой грезе, кроме нее ничего нет, ты часть разумного океана — среды, в которой твое сознание отправляется навстречу приключениям, так что не удивляйся и существуй. Океан-среда жил по законам, что были известны Бену.

Писатель застыл в задумчивости. Разумный океан? Где-то, что-то было такое. Но где? Возможно, в том же сне, возможно, затерялось среди прочитанных книг, но вкус будущего кофе разрезал нить рассуждений.

Кофе — бодрящий эликсир, то без чего не обходилось утро Бена, поэтому он направился к кухонному острову и произнес:

— Кофе. Медовый. Со сливками.

— Дзинь! — ответила кофемашина.

И только электрическое гудение приятно уху нарушило тишину.

Писатель снял с запястья фитнес-браслет и, машинально размяв кожу там, где легкий розовый след от ремешка, бросил взгляд на темный экран. Экран имитировал механические часы: золотые стрелки на медно-бордовом фоне. Римские цифры также сияли золотом. Несуществующая секундная стрелка не спеша пробиралась по биокристаллической панели — такое создавалось впечатление. Но ничего не было. Часы точно не существовали, они возникали из-за упорядоченной активности биокристаллов. Биокристаллы тускло мерцали, пряча за слаженной и красивой работой инопланетные технологии — нанороботы, пятьдесят лет назад найденные на Марсе.

Без десяти девять.

Браслет писатель положил рядом с кофемашиной.

Здесь, на высоте семьдесят шестого этажа застыло безмолвие. Пластиковые окна замыкали на себя городские звуки, не пуская их в квартиру. Человеческий муравейник три часа назад ожил, разгоняя кровь очередного дня. В тускло поблескивающем бисере бесконечных движений новый день постоянно менял урбанистическое болото Мега-Сити.

Акриловый белоснежный язык табурета с высокими ножками. Ягодицы писателя удобно устроились в нем, от языка было тепло. Бен рассеяно зевнул и заметил, что перестал думать о сне пять секунд назад. Это случилось ровно пять долгих секунд назад. Он пропустил этот пятисекундный всплеск времени, и постфактум осознал, что вычеркнул его из своей жизни.

Сон.

Новый роман.

Сделав глоток медового кофе со сливками, Бен, зажмурив глаза в ожидании грядущей реальности, погрузился в ненапечатанные строчки, в изящный шрифт текстового редактора.

<...>

2921 знаков с пробелами изъято цензурой.

<...>

Красная чашка опустела. Он не заметил, как напиток исчез в желудке. Остался лишь густой кофейный аромат, смешанный с холодной эмалью. Стенки чашки были толщиной чуть ли не в полдюйма и, залив даже кипятком, невозможно обжечься.

Адиабатический корпус посуды.

Бен поставил чашку в посудомоечную машину и отправился в душ.

В душе писатель старался ни о чем не думать, отдавшись под власть зыбких ощущений на коже. Прохладные ионизированные воды напоминали холодные шелковые нити и одновременно хрустальные шарики, что окатывали тело, как моллюск окатывает песчинку, превращая ее в жемчужину. Сравнение неправильное, но... Струйки текли, расслаблялись мышцы, капли звучно стучали по дну душевой кабины, исполняя какофоническую песнь водопроводных труб. Бен то ли вспомнил, то ли выдумал загадочную фразу, она пришла оттуда, из чрева города. Вот эта фраза: затерянные души горожан блуждают как воды в водопроводных каналах.

Каналы.

Телевизор.

Прогрессивный писатель, выйдя из душа, бросил фразу, как просигналил три раза в ночи фарами автомобиля:

— ТВ. Новости одной строкой. Читай.

Бен не хотел смотреть новости, только прослушать.

Нейросетевой женский голос зачитал новости, и они провалились в бездну беспамятства, как альпинисты, потерпевшие фатальную неудачу при восхождении, только две новости ловко зацепились за край сознания и выползли на вершину.

Первая касалась террористической организации, что бесчинствовала в Мега-Сити. Они опять что-то натворили. Это была довольно-таки странная группа беспокойных граждан, сумевших до сих пор прятаться в городе от полиции. Однако Бен не верил в ее существование, возможно, допускал, точнее, позволял быть радикалам, ибо думал о том, что, скорей всего, СМИ раздули новость, как надувают резиновый яркого цвета шарик. Не верил в террористов, которые не грабят и не убивают, а уничтожают музыкальные автоматы на улицах, а в супермаркетах, где фоном звучала музыка, они отключали насильно эту самую музыку, погружая добропорядочных потребителей в неловкую тишину. Кстати, радикальную группу иронично окрестили музыкантами. Группа не возражала, ибо публичная продажность распространялась и на маргиналов.

Вторая новость, зацепившись в мозгу, оставила недоумение. Бену пришлось дословно запомнить ее, так как нельзя объяснить это: группа темнокожих террористов захватила литературный поезд с сывороткой правды, следственный комитет предполагает, что с большой долей

вероятности эликсир окажется на черном рынке. СМИ даже не заметили случайную рифму — «темнокожие террористы» и «черный рынок».

Темнокожий рынок.

Рынок темнокожих, торгующих светлокожими.

Повестка, однако.

Смешно.

— Что такое сыворотка правды? — вслух произнес Бенджамин Ян, вовсе не собираясь узнавать об этом.

Фраза машинально слетела с губ, и писатель застыл в удивлении, слушая электронный голос:

— Сыворотка правды. Изначально это были натуральные биохимические или синтетические вещества, вызывающие расслабление мозговых процессов до состояния, когда субъект неспособен контролировать вербальное поведение вкупе с потерей адекватной оценки мыслительных процессов, возникающих на внешние вербальные раздражители. Другими словами, субъект лишался способности утаивать информацию, которую он бы не желал разглашать. Однако в данном случае под сывороткой правдой понимается мифическое вещество, дезавуирующее объективный мир, то есть субъект, как бы находящийся под действием этого выдуманного вещества, не соглашается с мироустройством.

— Спасибо.

«И это странно, — удивился Бен, — это выходит... Это выходит, что человек отрицает реальность? Без всяких «но» и «если»? Без компромиссов?»

Он сел на диван.

Пора идти в спортзал.

Писатель надел легкие темные штаны и футболку, обтягивающую рельефный торс. Бену нравилось его собственное тело, и он не желал уступать прихотям чрева, которые подталкивали съесть еще один кусок. В этом мире, в мире Мега-Сити, все вредные вещи оказывались вкусными до одурения, если так можно говорить о пище. Вкусными в переносном смысле слова называли не только еду.

Что же касается продуктов, то масла в огонь подливали рекламодатели еды и диетологические влияния. Прослеживалась сезонная закономерность, некая синусоида пользы-вреда. То есть, если зимой продукт объявляли вредным, то тот же продукт весной становился полезным, ибо появлялось научное исследование диетологов, которое развенчивало мифы о питании. Именно что «развенчивала мифы» — фраза из телепередач Food-TV. Бенджамин понимал, откуда растут ноги, точнее руки корпоративных интересов, и его немного забавляла эта маленькая ложь, так как никто напрямую не признавался в истинных мотивах. Дело было не в полезности или вредности пищи, а в ее полезной и вредной роли в борьбе корпораций. Ничего ужасного он в этом не видел, так как свободная конкуренция — основа современной экономики.

Прогрессивный писатель вошел в лифт, а за ним последовал сосед. Юджин, кажется.

Кабина лифта представляла собой прозрачный цилиндр с непроницаемым для света полом и крышей.

«Свободная конкуренция — основа современной экономики», — повторил про себя Бенджамин Ян и удивился особенности человеческой памяти запоминать текст, забывая контекст.

Стеклопластиковая дверь голубой прозрачности закрылась, и кабина начала опускаться.

— Ой, простите, вы, вниз? — спросил Юджин, когда тот уже нажал сенсорную кнопку.

— Не беспокойтесь, мне на первый.

— Мне также. Утро доброе, мистер Ян. Как поживаете?

— Отлично. Чего и тебе желаю.

— Благодарю. У меня всё отлично, — и быстро улыбнувшись рядом искусственных зубов, сосед добавил: — Напомните мне, вы ведь не смотрите ТВ?

— В большей степени да, не смотрю.

— Ах, значит, сериал «Из жизни соседей»...

— Нет. Не смотрю и не смотрел.

— Жаль.

— Но вы можете поделиться своими наблюдениями.

Сосед захотел поговорить, поиграть пустыми словами.

Словесный пинг-понг.

Спускать в лифте вместе предстояло недолго, так что вряд ли болтливость Юджина могла надоест, поэтому доброжелательное «можете поделиться» развязало язык:

— Честно говоря, я недолюбливаю современное телевидение, но... В последней серии «Из жизни соседей» главный герой, один из главных героев, неважно как его звать, вы все равно не смотрите, решается пойти в салон парикмахерской, чтобы сменить прическу.

— А каким образом прическа может повлиять на сюжет?

— Не говорите так. Еще как может. Прическу. Она может. В предыдущем сезоне это разрушило целую семью. Я понимаю, мистер Ян, вы смотрите на это как писатель, а я смотрю как обыватель, то есть зритель. Конечно, меня возмущает данный сюжетный поворот. Вдруг без всяких предпосылок герой переходит улицу в неположенном месте, благо машин мало, он пересекает проезжую часть без последствий и оказывается на другой стороне улицы, где находится салон красоты. Символика ясна. Перейти улицу в неположенном месте — это решится на кардинальные перемены в своей жизни, а сменить прическу — тем более.

До первого этажа осталось меньше минуты.

Бен задумался над тем, отчего люди поливают словесной грязью телевизор, но смотрят его?

Пренебрежительное отношение к ТВ было модой, щекотавшей нервы. Публично житель Мега-Сити ругал прямоугольник, висящий у него в квартире под потолком, и источающий световой, цветной и звуковой шум, но как бы тайно одним глазом порой вглядывался в око телевизионного циклопа. Подспудно горожанин понимал, что искусственно созданная запрещенность (отчасти им поддерживаемая) отдавала душком, но это был респектабельный душок. Все эти действия походили на действия человека, отправившегося в гастрономический тур по кухням мира и случайно зашедшего в экзотический ресторан. Там подали ему тухлые яйца, чуть забродившую рыбу в маринаде, сыр с червями и плесенью и прочее под видом нормальной пищи. Гастрономическому туристу ничего не остается, как попробовать, слегка морщась, кивать, будто что-то понимая, или давая знать, что со временем он поймет все эти кулинарные извращения. Ведь не может он просто так покинуть ресторан, ибо ради этого он и живет — потреблять. Так и горожанин не может просто так отключить телевизор и выколоть циклопу глаз.

Юджин продолжал говорить. Бен ловил слова, до конца не понимая их, но не имел права молчать, поэтому, имитируя мыслительный процесс, вставил задумчиво фразу:

— Возможно, вы правы, прическа играет роль.

Дверь лифта открылась.

— До свидания, мистер Ян. Хорошего дня.

— И тебе. Счастливо.

«Красивые машины, красивая еда, красивые женщины, красивые интерьеры квартир, красота холодная и лаконичная — всё это фетишизм муравья», — вдруг подумал прогрессивный писатель.

Муравей бежит по муравейнику и несет травинку на спине. Все мы носим травинку на спине, каждый свою, чужие травинки нас не интересуют, ибо каждый житель Мега-Сити счи-

тает, что несет тяжелую ношу, а что касается прически, которая играет важную роль, как полноценный актер, так это симптоматично. Вещи в жизни потребителя это первая скрипка в городском оркестре, даже больше — они те самые травинки на муравьиных спинках.

Зал фитнеса был наполовину пуст, не смотря на десятый час.

Встав за тренажер, имитирующий человеческую ходьбу, Бен только сейчас заметил, что забыл браслет. Наверно, решил он, совершенно не жалея, остался лежать рядом с кофемашиной.

Очередной день, не сулящий перемен, вдруг стал иным. Это первый день, когда прогрессивный писатель забыл фитнес-браслет дома, но сожалеть об этом Бен не хотел, хоть и желал. Время в спортзале без фиксации физиологических функций — небольшой эксперимент.

Он сошел с тренажера, разделся до трусов и подумал вновь о забытом гаджете. Ему почудился дух свободы, белым цветком распутившимся внутри, там, где сердце. Впервые писатель лишился, пусть и формально, собственного тела, перестал ощущать его через электронный механизм. Бен встал на тренажер и начал раскачивать педали, а руками лениво тянуть рычаги, но, попав во власть ритмичного металлического скрипа, ускорился. Теперь он не человек, а симбиоз стального агрегата и собственного тела, которое ученые по недоразумению называли *homo sapiens*.

Писателю было непривычно заниматься спортом без музыки, но он привык к новой ситуации быстро, какая-то музыка звучала в мозгу по старой памяти. Что Бен слушал недавно? Трудно ему вспомнить. Какой-то новомодный *retro style*, или как его называли сокращенно *retyle* — стиль, когда композиция разукрашивалась дополнительно музыкальными красками тысячелетней давности. Бен плохо разбирался в музыке, ведь он писатель, а не музыкант или музыкальный критик, для него это было фоном, что сопровождал жизнь каждого горожанина. Музыка звучала всюду: в наушниках, в магазинах, в спортзалах, в кафе, в ресторанах. В музыкальных автоматах она звучала всегда, ее никто не включал и не выключал, генератор случайных чисел выхватывал из сети любые пять композиций и, как говорили, засвечивал их — и так двадцать четыре на семь и триста шестьдесят пять дней в году.

Сегодня спортзал молчал.

— А почему музыки нет? — спросил Бенджамин Ян у персонала учреждения.

— Вчера вечером музыканты постарались. До сих пор восстанавливаем, — был ответ.

Как оказалось, руки вандалов не коснулись телевизоров. Они были замаскированы зеркальными стенами. Музыканты, конечно, знали о существовании видеопанелей, которые проявлялись, как только посетитель хотел что-нибудь посмотреть. Для этого достаточно взять беспроводные наушники из пенала внизу зеркала, отражающая поверхность исчезала под действием электрических импульсов, обнажая темно-серый прямоугольник. Панель начинала светиться. «Интересно, — подумал Бен, — а отчего их волнует лишь музыка, ведь по телеканалам тоже...».

Он не додумал мысль, взял наушники из пенала, вставил в уши и занял другой тренажер: сел, раздвинув ноги. Экран загорелся. Наклонами головы налево и направо переключил каналы, нашел информационный блок. Взявшись за рычаги тренажера, и упираясь локтями в подушки-подлокотники начал монотонные движения, как ему показалось, попадая в ритм новостного потока.

Первая новость касалась сыворотки правды. Бен не особо вслушивался, больше смотрел. Картинка была живописной: открытое безлюдное пространство, словно обворованное. Какие-то песчаные рыжеватые насыпи, походившие на поверхность далекой чужой планеты, занимали весь обзор репортерской камеры. Насыпи скучали по деятельным человеческим рукам, и только железнодорожное полотно говорило, что руки здесь побывали. Что хотел сказать этим оператор, не ясно. Наверно, показать рельсы, по которым угнали литерный поезд с сывороткой правды, но всё это виделось Бену таким нереальным, ведь сама сыворотка оказалась мифом.

Конечно, он — прогрессивный писатель, фантазии ему не занимать, и можно додумать вымышленный мир, в котором люди верят в существование подобных чудодейственных веществ, но, самое главное, новости не дали определенности, словно журналист, говоривший за кадром, то ли что-то скрывал (это маловероятно), то ли ему была неинтересна тема репортажа (это вероятнее всего).

Следующим шло короткое интервью с Константином Кондратьевым. Он был совладельцем корпорации «BIOTEC».

— ...Удивительно то, что мы стоим на пороге тридцать первого века, а великая загадка всех времен — человеческий мозг — так и не разгадана. Конечно, операции по 3D-принтингу позволяют штамповать в промышленных масштабах любые органы, кроме мозга. Трансплантация отошла в прошлое. Только страны третьего мира, пусть и успешно, используют это древнюю биотехнологию, но мозг... Поймите, никто не смог создать точную его копию.

— А нейроволокна?

— Да, они являются составными частями головного мозга, но воспроизвести детали — это одно, а заставить их работать в связке мы не смогли. Я думаю, что проблема заключается в том, что до сих пор не определено понятие сознания. Казалось бы, всё просто. Оно, вроде, находится в мозгу, в этом самом большом, если так можно говорить, нервном узле, но каким-то невероятным образом сознание не до конца тождественно нейроволокнам в голове. Здесь проблема не биологическая, а, наверно, онтологическая.

— Это похоже на идеализм...

— Вовсе нет. Возможно, я неточно выразился. Онтология — наука о бытии и, кажется, мы несколько столетий копали не в том направлении, изучали не ту сторону бытия. Я не хочу сказать, что суть сознания надприродна, скорее всего, сознание имеет иную природу, которую мы до конца не poznали.

— То есть, чтец мыслей — вполне материалистичен?

— Да. Что такое мысли? Это электрические импульсы. Мы знаем, где они возникают, мы знаем их форму, или, как говорят нейромантологи, модулярность, то есть мы можем их расшифровать, но не знаем причин возникновения. Мы в силах прочесть мысли умершего человека до определенной степени: пока мозг не умрет окончательно, но мы опять-таки не можем вернуть полноценную жизнь мозгу, потому что... Что?

— Сознание?

— Именно. Оно будто во время смерти покидает мозг. Если провести аналогию, вы же не будете жить в частном доме, который разрушается на ваших глазах и не подлежит восстановлению. Сознание не тождественно нейроволокнам в голове каждого человека, хотя... Вроде бы... И тождественно. Меня настораживает подобная неопределенность, присущая квантовой физике, а не биологии. Я многие года размышлял над этой проблемой, словно стоял перед неприступной стеной, силясь отыскать брешь в ней. Я могу сказать вам точно только одно: сознание имеет другую более сложную природу, а головной мозг есть часть этой природы. Образно выражаясь, мозг — маска на лице сознания.

Получается, решил Бенджамин Ян, сознание способно пользоваться другим мозгом. Если мозг, действительно, маска, то маску можно менять. Но всё это гипотеза...

Далее...

Кулинарное шоу началось почти без рекламных пауз. Реклама — короткая презентация-прокладка между передачами, демонстрирующая еще одну ненужную вещь для повседневности. И вот, театр одного актера, ибо женщина в полном одиночестве на кухне руководила гастрономической симфонией. Порхала от одной рабочей поверхности к другой, говорила быстро, ворковала, обращалась к невидимому зрителю, но создавалось впечатление, что зритель как раз находился в студии. Он прятался за камерой, возможно, это был сам оператор.

На блогершу женщина не походила, так как не наблюдалось в ней нарочитой пошлости. Всё выглядело прилично и в то же время...

Бен, задумавшись, перестал делать механические движения.

«И в тоже время, что? — спросил сам себя писатель и сразу нашелся: — В тоже время атмосфера какая-то противоестественная, но это придает шарм, манкость, флёр, и да, имеется куча слов кроме всех прочих, потому что человеческий язык безграничен, вариативен, он рождает новые звуки и новые смыслы. Язык пластичен, его нельзя убить. Ведь забрасывать его словесным мусором можно, но бесполезно, он скинет шелуху и оставит себе самое необходимое. Кстати говоря, те самые музыканты общаются между собой на архаичном языке, который был порожден виртуальной средой и был популярен тысячу лет назад. Кто знает, кто знает...».

Бен ни разу не слышал музыкантов, как они беседуют. Писатель решил, что эти террористы на самом деле являются террористами в кавычках. Так, мелкие хулиганы. Перерезали провода аудиосистем и на этом их терроризм закончился. Мега-Сити, пронизанный насквозь радиосигналами, может создавать помехи, а древние металлические проводники, спрятанные в экраны, предпочтительнее, но они слабое место и лакомый кусок...

«Лакомый кусок, — разочаровано под нос пробубнил писатель, — какая пошлость, какой штамп».

Бенджамин Ян поменял положение на спортивном снаряде: сел спиной к видеопанели. Он только слышал восторженный голос ведущей, которая готовила очередное гениальное блюдо. Бен удивился словосочетанию «гениальное блюдо». Странно было применять его к мертвой материи. Какова гениальность блюда? С человеческой гениальностью проще: чем больше производит шума его творение в пространстве и во времени, тем оно гениальнее. Раньше думали, что нуре (шумиха и показуха), есть нечто, что противопоставляется настоящему таланту или гениальности, гений не опускается до сотрясания общественного воздуха, но оказалось иначе: ошибались и те и другие. Нуре — всего лишь свойство художественно одаренной индивидуальности, можно сказать, приятный бонус, забавная виньетка на творческом узоре личности.

Бен вернулся к слову «блогерша». Оно — символ пошлости, безвкусицы и безвкусоности. Также как и «блогер». Еще реже звучали слова «блогерка» и «блоггиня». Пресность и очевидность. Нуре без таланта. Бен вспомнил, как недавно в сети одна блогерша вела стрим на собственных ягодицах. Конечно, никто ягодиц не видел, на них была напаяна ткань для хромакея, отчего само собой возникал в чате вопрос: это стрим или намек на стриптиз? Забавный неологизм возник тогда: стримтиз. Смысл его — верх пошлости. Некоторым понравилась такая находка, другие обозвали блогершу силиконкой, то есть силикон вместо мозгов, ибо придумать идею с ягодицами можно лишь при добровольном отключении мозга, или при отсутствии одного.

Бен повернулся к экрану. Ведущая заканчивала. Она испекла булочки с корицей. Они представляли собой спирально закрученные башенки, словно замки из песка, которые лепил, играя, ребенок. Оставалось заварить сладкий зеленый чай. «Какой аромат, послушай!». Ведущая поднесла тарелку фисташкового цвета к камере. Булочки были уложены на посуде по спирали. Бен вспомнил запах корицы. Воображаемый запах тонкой струйкой проник в мозг и стал беспокоить. Мысли потекли в направлении кафе. «Неплохо бы», — капнула машинально мысль, растворившись в приятном ожидании. Писатель представил, как после душа зайдет домой (надо взять фитнес-браслет) и отправится перекусить.

Телемагазин скользнул душным призраком мимо слуха и зрения. Бен не запомнил, что там предлагали купить. Очередной завуалированный приказ: звоните немедленно и кроме этой ерунды вы получите еще одну ерунду бесплатно. Такое впечатление, что без этой ерунды нормальному человеку невозможно прожить ни дня, но поскольку монтажные кадры в телема-

газинах всегда зациклены, постоянно теряешь смысл происходящего. Даже не смотришь как кролик на удава, скорей уж как баран на мертвые письма.

Бен выключил телевизор, вернул наушники в нишу под зеркалом и отправился в душ.

В душе переговаривались два человека. Писатель заметил их раньше в зале. Они тоже сидели за снарядами в наушниках и смотрели другие каналы.

— Что-то эти музыканты...

— Что ты сказал?

— Я говорю, музыканты!

— Музыканты?

— Да.

— Что музыканты?

— Ну, язык...

— Язык... А! Язык?

— Да. Слышал, как они говорят?

— Откуда?

— В сети...

— В сети есть что-то?

— Да.

— Не смотрел. Не попадалось. Да и не интересно.

— Их нет в рекомендациях.

— Серьезно? То есть, ты копался в сети?

— Интересно же!

— Ну, и что?

— Архаика.

— М?

— Ну, например, слушай.

И незнакомец, как показалось Бену, выдал поток бессмысленных слов: «...Плюс один — Абанамат, креатив замутный бу — Урлы солью и бу аццкий отжег — Тема, мля, красавчег — Драже йесчо — АД2 — Позжее — Ок, пышы йесчо — Замут дрочеров, падонги полосатые джыдаи — в газенваген».

По пути домой Бен вновь встретился с Юджином в лифте. Он нес в руке пакет.

— Я думал, ты на работу уходил, — сказал писатель.

— Нет. Работаю я на удалёнке, а это... — Юджин открыл пакет. — Заказ забрал.

Сосед показал содержимое. На дне лежали несколько кусков ароматического мыла.

— Для ванной?

— Да. Редкие экземпляры. Не у каждого производителя есть, не в каждом магазине купишь.

— Быстро ты обернулся.

— Тут недалеко. В приморской части.

— Я пользуюсь жидким мылом.

— Жидкое мыло для меня жидковато. — Юджин хихикнул. — У твердых сортов двойное назначение: можно мыться, или кладешь на полотенцесушитель, и оно ароматизирует воздух.

Писатель вспомнил, какие раньше были ароматы: сильные и навязчивые; некоторые ощущались носоглоткой почти физически, и ощущения эти дискомфортные: точно шерстяную ткань, пропитанную духами, пытались запихнуть тебе в нос. Сейчас существовала иная мода на парфюмерию. В городской тесноте спросом пользовались запахи дающие атмосферу и отчужденность, это были только намеки на ароматы и свежие ветры безлюдных пространств.

Зайдя в квартиру, Бен сразу направился на кухню и взял фитнес-браслет. В системе один пропущенный вызов. Звонил литературный агент Корнелий Шнапс, который оставил звуковое

сообщение: «Привет. Ты, конечно, возразишь, что можно и по телефону обсудить, но я предлагаю встретиться с глазу на глаз. Это касается твоих творческих планов. И еще раз: лучше приходи ко мне. Жду. Заранее спасибо за понимание».

Писатель знал прекрасно, о чем пойдет речь. Тема ему эта надоела, обсуждать ее не было желания, скулы сводило от судорог и от ощущений, будто холодная и липкая слюна скапливалась за щеками, слова запутывались вокруг языка и вязли на зубах. «Неужели опять?», — тоскливо всплыл вопрос, пока Бен надевал браслет.

За стеной прозвучали гулкие удары, длились они меньше минуты, затем сменился ритм, это Юджин включал музыку, настраивая акустическую систему и выбирая композицию по вкусу. В третий раз мелодия зазвучала глухо. Что-то медленное и еле слышное, словно человек включил громко динамик на большой глубине под водой.

Корнелий Шнапс жил недалеко. Минут за десять Бен добрался до его дома пешком, пройдя узкие улицы Мега-Сити, подсвеченные даже днем россыпью искусственных разноцветных огней. Они походили на пульсирующие точки и нити, будто миллионы дрессированных светлячков и причудливо мутировавших многоножек оккупировали строения. Бенджамин Ян машинально бросал на них взгляд и невольные мысли о насекомых плавно перетекали на мысли о горожанах. Множество человеческих жизней горело в мегаполисе: зажигались, светились и тухли.

Писатель вошел в лифт, поднялся на нужный этаж и позвонил в квартиру литературного агента.

— Привет. Проходи.

— О чем говорить будем?

— Я же сказал в сообщении. Выпьешь?

— Пожалуй. Неалкогольное.

— Микролад?

— Давай.

Корнелий указал на диванчик изумрудного цвета, походивший на большую плюшевую игрушку утратившую сходство с каким-либо животным. Шнапс протянул Бену стакан. Кусочки льда приятно звякнули.

— И? — начал прогрессивный писатель.

— Ты сам знаешь. Я только жду гарантий. Сколько ты в литературе? Двадцать лет? Дебютный твой роман «Осенний визаж» вышел в две тысячи девятьсот семьдесят девятом. Да, двадцать лет прошло.

— А рассказы?

— Что рассказы? Сборники рассказов — это хорошо, но рассказы — пшик. Читатель ждет монументальной истории.

— На таких скоростях живем, и в мелькании времени всем хочется романа?

— Роман дает погружение надолго в иной мир, дает возможность отвлечься от мелькания. Ладно, ты ушел от ответа.

— В следующем году.

— Точно?

— Да. — Бен сделал большой глоток микролада и поставил стакан на столик из искусственного хрусталя. — Тебе лучше, чтобы я по одной толстой книги в год писал?

— В идеале, конечно... Да. Именно. По роману в год.

— Зачем?

— Будешь всегда в творческой форме. Да и коммерческая составляющая... — Корнелий потер указательный и средний палец о большой палец, отсыпав в пространство невидимые монеты.

— С таким графиком я испишусь быстро. Буду гнать пустоту. Графомания.

— Графомания, дорогой Бен, это медицинский диагноз.

— Тогда профессиональное выгорание.

— Были же раньше писатели, которые...

— Их обстоятельства подгоняли. Я могу себе позволить хоть целую жизнь работать над одним романом.

— Хорошо, что у тебя есть имя, поэтому можешь позволить.

Корнелий Шнапс сделал глоток из своего стакана, продолжая держать его в правой руке.

— Я сейчас в ресторан. Может, вместе сходим? — спросил писатель.

Корнелий, глянув на левое запястье, произнес:

— Одиннадцать часов. Не рано ли для обеда?

— Перекусить.

— Тогда пошли.

По пути Бен попытался вспомнить имена современных плодовитых писателей, выдававших в год по книге. Не обязательно это были толстые романы, это могли быть сборники рассказов и повестей.

Чего же хочет Шнапс? Продажи его книг не падают. Если не каждый год, то хотя бы через год выходят переиздания: необычно оформленные книги с применением натуральных и искусственных материалов. По содержанию книги это всевозможные компиляции. Некоторые из них писатель считал неудачными, но чем неудачней оказывались сборники, тем ярче оформление. Можно ли будет назвать их со временем библиографическими редкостями? Да, но отчасти, так как Бенджамин не мог поставить знак равенства между формой и сутью книги, ибо, уравнивая в силе два аспекта издательского продукта, следует говорить и о ценности этого продукта вообще. Бен решил, что гармоничное соседство эстетики и наполненности текста — гарантия того, что в будущем книга станет ценным экземпляром на рынке.

Чтобы не залезать в дебри рассуждений, он вернулся к именам коллег по писательскому цеху.

Плодовитыми считались...

Кэролайн Уильямс.

Лара Рей.

Ричард Боман.

Эмир Уолкер.

Джина Гриф.

Стивен Барр.

Элеонора Джонсон.

Шон Говард.

Линда Белл.

Брендон Денишхофф.

Артур Вандерман.

Последний — Вандерман — сидел в ресторане, в который вошли Корнелий и Бенджамин. Вандермана невозможно было не заметить. Он сидел за столиком, который располагался у окна ближе к входу в заведение.

Ян не считал Вандермана чистым писателем, так как тот пытался усидеть на двух стульях: первый — простой и лаконичный стул писателя, а второй — более изысканный и местами вычурный по стилю стул философа.

Когда они заняли места рядом с Артуром, тот, не предупреждая, начал рассуждать о необходимых условиях для создания произведений.

— Раньше ошибочно утверждали, — начал Вандерман, — что для убийства мысли достаточно комфортных условий. Однако неувязочка вышла. Они говорили, если быть точным, следующее: чтобы запретить мышление, достаточно создать комфортные условия проживания

для всех людей без исключения. Другими словами ненужно директивно запрещать, непотребна вертикаль власти, диктующая то, о чем следует думать и чего следует желать, не нужен жесткий контроль, а нужна горизонталь, которая создает необходимые условия. В чем заключаются комфортные условия? Они есть материальный достаток и отсутствие хотя бы малого психологического давления. Благоприятность разливается молочными реками среди социальных берегов. Материальный достаток не формируется иерархично, он как бы везде одинаков, то есть у большинства — горизонталь, а если все хорошо, то зачем думать. Неувязочка! Я неплохо зарабатываю, я не испытываю давления свыше, но я продолжаю мыслить, и меня не волнует, что кто-то зарабатывает больше. Ну да, зарабатывает, возможно, значительно больше, и что? Некоторая беспокойность души дает толчок для мыслительных процессов? Чуть собачья! Я не думаю о хлебе насущном... Или надсущном? Как там у древних?

— Не знаю, — ответил Корнелий.

— Насущный, кажется, — припомнил Бен.

— Я не думаю о хлебе насущном, я не мечтаю в поисках куска хлеба. Это же замечательно. Так? Так. Я не трачу драгоценное время на мысли о еде, я трачу их на то, на что хочу тратить — на философию. Древние были глупы как пробки. Еще эту глупую градацию придумали. Идет диктат сверху: думайте о том-то — это тоталитаризм, а если косвенно создаются условия, отменяющие тягу к мышлению — охлоизм. Сравнили муху и слона. С первым, пожалуй, соглашусь. Да, жесткий диктат власть имущих можно назвать тоталитаризмом, особенно если это распространяется повсеместно и повседневно, но второе... Если это не сочетается с внешним запретом, то... Я не знаю, как назвать подобную близорукость, как это обозначить. Вот сегодня я, творческий человек, я не пошел на работу как древний, которому нужно было ходить на работу раз в день кроме субботы и воскресенья. Восемь часов коту под хвост. Что собственно он сделал за эти восемь часов? Ничего. А я? С утра встал, написал несколько страниц текста, исправил несколько страниц, написанных вчера, выпил кофе, почистил зубы, пришел сюда, разговариваю с вами. При этом у меня на столе шикарный сытный завтрак: сырный бульон с сухарями, котлета из рубленой курицы с брусничным соусом, ореховое ассорти в меду и пол-литра негазированной минеральной воды — разве я этого не заслужил за целый день? Те бы сказали что нет, не заслужил, потому что я праздну живу, потому что я за целый день не произвел ни одной материальной ценности. Но послушайте, материальные ценности должны производить роботы, чем они успешно и занимаются сейчас под бдительным оком человечества, а моя цель — творчество. Они скажут: но ведь не каждый человек способен на творчество? А я скажу: каждый. А если кто-то когда-то где-то намекнет, что не каждый человек способен на творчество, могу возразить аргументировано: это выкидыш нищесловесного ума, ибо каждый способен творить. Другое дело, если социальные условия не способствуют развитию дара, а если бы они были созданы намного раньше, чем в наше время, то у древних каждый пастушок, играющий на дудочке, стал бы великим композитором.

— Но у пастуха функция — пасти коров, если я не ошибаюсь? — попытался возразить Корнелий.

— Вы абсолютно правы, — согласился Вандерман, и, не делая смысловых пауз, срезал собеседника: — поэтому вы совершенно неправы. Вы берете пастуха отдельно от социальной среды, отдельно от всех сословий, ведь изменения касаются не конкретного сословия, а всех. Никакой иерархичности. Вот в чем неувязочка. В этом случае в каком-то сословии нашелся бы творчески одаренный человек, одаренный технически, который бы придумал способ пасти коров без пастуха. В конце концов, был бы придуман робот-пастух. Сейчас в этом нет необходимости, говядину можно напечатать на 3D-принтере, а молоко сделать из разных биохимических смесей, и ирония заключается в том, что это ненатуральное молоко вкуснее настоящего и намного полезнее.

— А вы пробовали настоящее молоко? — осторожно спросил Бен.

— Нет. Но это не имеет значения. Или вы не доверяете словам диетологов?

— Почему?

— Не надо повторять за древними. Они бы сказали: ваше молоко вкуснее, но наше природнее, ближе, так сказать, к реальности, но что есть реальность? Что есть природность? Ведь если вам наше молоко не по вкусу, вы можете не пить его, но пить кроме нашего молока нечего, да и не стоит. Природность... Природность, господин Ян, хитрая штука. Не всё в природе хорошо, а молоко, оно же изготавливается из тех самых элементов, которые мы берем именно у природы. Больше неоткуда брать. Примерно схожие дела обстоят и с реальностью. Можно ругать создание виртуальной реальности, можно вновь говорить о том, что она не настоящая, и что? Виртуальная реальность создается из объективной реальности, она имеет всего лишь иную природу, виртуальность является естественным продолжением реального мира. Не надо ее пугаться или поклоняться ей. Виртуальность — это данность нашего мира.

— А я за двадцать лет ничего не создал, — невпопад произнес Бен. — То есть я даром живу.

— Погодите, — удивился Вандерман. — А сборники рассказов? Ну, «Хороший день для всего», «О чем я говорю, когда молчу», «Медленная луна», «Время ночных легенд» и «Радости ада» не вы сочинили?

— Мои, но...

— Я, как издатель, считаю, нужен роман, — встрял Корнелий.

— Вам, как издателю, виднее, но все же, господин Ян, могу вас заверить: вы не зря живете на свете. Творчество — вот, что отличает вас от большинства древних. На что только они не тратили свою короткую и глупую жизнь. Вместо того, чтобы заниматься творчеством, они... Так что, да здравствует наш мир, ибо нам удалось создать идеальный миропорядок, в котором человек будет, не думая о будущем, творить. Согласны?

— Да, — сказал Корнелий. — Именно в этом и заключается проблема Бенджамина Яна как писателя.

— Ладно вам, оставьте. Каждый сочиняет, как он считает нужным. Роман, как веха в творчестве — заблуждение. К чему эти высокопарные словосочетания? К чему? Высота помыслов, высокое предназначение писателя, смысл — всё это хорошо для древних, но не для нас. Мы прекрасно понимаем истинные цели писателя в частности, но и человека от искусства в целом. Цель — творчество, а идеалы... Ну, можно что-то на досуге придумать, но так для развлечения. А у нас же здесь коммерция. Что хорошо пьется, то хорошо продается, как говорили винно-водочные бутлегеры. В этом нет цинизма, в этом здравый подход к жизни. Так что, господин Шнапс, не стоит переживать за вашего подопечного. Он обязательно напишет роман.

— Хотелось бы...

— Больше оптимизма. Жизнь не любит пессимистом, хотя, если приглядеться, нет никакого оптимизма или пессимизма, есть лишь трезвый взгляд на жизнь и отход от трезвомыслия. Здравое мышление, понимаете, иначе будем спотыкаться о неувязочки.

Артур Вандерман приступил к трапезе. Ел он не просто с аппетитом, а с явно выпячивающим гастрономическим жизнелюбием. Все эти вкусные звуки создали неповторимую симфонию из стали, фарфора, пластика, льющейся жидкости и приглушенных звуков из ротовой полости.

Когда-то прогрессивный писатель Бенджамин Ян нашел в сети фотографию Артура Вандермана, то ничего примечательного не заметил во внешности философа. Не сказать, что она была стертой или обезличенной. Тогда в сознание постучала фраза: его внешность похожа на среднестатистическую мумифицированность. Откуда возникло такое дикое сравнение, Бен не понял сразу. Во-первых, Артур Вандерман оказался полным человеком средних лет. К тому же городской философ был лысым; это говорило о том, что он совершенно не следил за своим здоровьем не в силу пустого электронного кошелька, а из-за желания, возможно, прослыть эпа-

тажной личностью, или, как говорили в молодежной среде, рубиновым. Так что фигура Артура во всех своих физиологических подробностях спорила с модой на здоровый образ жизни. Вторых, Бен изучил поверхностно древнюю историю, и порой ему не верилось, что шесть тысяч лет назад жили такие же люди, как и он. Конечно, спросить у них, о чем они думали, когда были живы нельзя (мозги в далекие темные времена не умели сохранять), но, благодаря изображениям, писатель видел внешнее сходство с современным человеком. Так же он видел мумии фараонов, и все они были на одно лицо. Можно ли о мумии говорить, что у нее есть лицо? Или, произнося слово «лицо» следует подразумевать только живого человека? Нельзя бросить фразу: «Лицо мертвеца оказалось обезображенным предсмертной судорогой»? Но одна мумия была похожа на другую, отсюда и родилось это странное сцепление слов — среднестатистическая мумифицированность.

Сейчас Бенджамин Ян увидел Артура Вандермана вживую и удивился. Как оказалось, философ обладал индивидуальностью. Полная фигура, круглая голова, похожая на бильярдный шар с нарисованным на его поверхности лицом — всё это трудно спутать с иным жителем города. И дело не в том, что Вандерман полный человек, а в том, что даже не будь он полным, ему невозможно было затеряться в толпе стройных фигур. Он бы все равно выделялся, а фотографии в сети... Что ж... Непонятый эффект стирания личности, когда та оказывалась в медийном пространстве, писатель отнес к техническим особенностям Интернета.

— До свидания, — сказал философ, закончив завтрак. — Надеюсь, мы еще с вами увидимся и поговорим.

Корнелий и Бен попрощались.

— Станный человек, — произнес задумчиво Шнапс, когда Вандерман покинул заведение.

— В чем странность?

— Не знаю.

— То есть? Поясни.

— Тебе не показалось, что он похож на птицу?

— На какую птицу? — Бен глубоко задумался, вспомнил изображение снегиря, но вслух произнес: — Он похож на бильярдный шар.

— Я не о внешнем сходстве, а... — На этот раз погрузился в раздумье Корнелий. — Мы были в ботаническом саду, где по веткам порхали птицы, и одна из них вдруг села недалеко от нас и начала петь. Она пела, а затем улетела, и мы задумались, а в чем смысл этого пения? Вандерман пропел нам и пошел по делам.

— Странное у тебя сравнение.

— Почему?

— Неудачное. Оно словно как... Выстрел мимо сути. Например, цветы в ботаническом саду красивы, но их красота не для людей, а для пчел, ведь когда появились на Земле первые цветы, людей еще не было, а пчелы были.

— Но у пчел нет чувства прекрасного. А ты это к чему?

— Цвета и линии бутонов, насколько я знаю, имеют функциональное назначение: привлекать насекомых для опыления. Так и с пением птиц. Птицы появились раньше людей.

— В чем же функциональное назначение Артура Вандермана?

— Наверно...

Бен задумался.

Прошла минута. В продолжение ее за их столик тихо подсел мужчина.

— Певец городского образа жизни, я думаю, — сказал незнакомец. — Здравствуйте, можно к вам?

— Да, конечно. Свободно, — ответил Бен.

— Певец городского образа жизни? — уточнил Корнелий.

— Верно.

— А вы...

— Борис Игнатов. Журналист.

— А вы попали в точку, Борис.

— Спасибо.

— Журналист? — переспросил Бен.

— Да.

— В новостях я слышал о литерном поезде с сывороткой правды. Какой-то абсурд. Что скажите?

— Вы удивитесь, — улыбнулся Игнатов, — но моя командировка связана именно с этой новостью.

— Так это на самом деле?

— Откуда мне знать. Я как раз еду провести журналистское расследование. Так что правда о том, что сыворотка правды разлилась, или это не правда, я, правда, не знаю.

— Но все-таки, какие-то есть версии? — спросил Шнапс.

— Версии?

Борис замолчал и стал ловко, используя вилку и нож, делить кусок сытного десерта на равные части.

— Версий может быть множество. — Первый кусок десерта отправился в рот журналиста.

— Но вы, лично вы и вы, что-нибудь слышали о войне?

— В смысле о войне? — удивился Корнелий.

— В прямом смысле. Это не метафора.

— Человечество не ведет никаких войн несколько поколений, примерно двести лет мирной жизни и...

— Да, в Мега-Сити нет вооруженных конфликтов. Я знаю, что негласно слово «война» не рекомендуется употреблять в значении вооруженный конфликт. В переносном значении — пожалуйста.

— О какой войне вы говорите? — спросил напрямую Бен. — Как она называется?

— Незвездная война.

— Что за бредятина?

— Мега-Сити, если сфоткать его с высоты птичьего полета, похож очертанием на многолучевую звезду с несимметричными концами.

Теперь замолчали все трое.

Борис Игнатов не спеша поглощал десерт. Корнелий и Бен доедали остатки позднего завтрака.

— Если мы обратимся к истории древних цивилизаций, — неожиданно заговорил Корнелий Шнапс, — то большинство вооруженных конфликтов возникали на пустом месте, это я сейчас о причинах, а поводами вообще служили нелепые случаи. В особенности самой дикой причиной были случаи с национальным оттенком, то есть национальность являлась причиной или поводом к вооруженному конфликту. Я не могу здраво объяснить логики древних людей, ведь национальность играет в жизни последнюю роль. Причем здесь она, язык, культура? Культура не имеет национальности. Язык — географическая условность. Нация — генетическая условность. И так далее. Каждый пункт претензии одного народа древности к другому народу не более чем очередное заблуждение, возникшее на зыбкой почве. Неудивительно, что такая почва не может удержать человека, точнее примитивную государственность. Я думаю, что если война и есть где-то, то ее могут создать только люди помешанные на своей идентичности, на ложной идентичности. Ведь мы тоже себя идентифицируем как жителей Мега-Сити. Неудивительно, что раньше вражда продолжала быть угрозой стабильности, а при этом причины вооруженного конфликта забывались или искажались, или то и другое. Да они потому и забывались,

что были нелепыми. Те, о ком вы говорите, те, кто развязал вооруженный конфликт, скорее всего, начали войну на национальной почве. Разве нет?

— Да. Возможно. — Борис кивнул и сделал глоток из чашки. — Дело в том, что я не сказал о вооруженном конфликте, как о факте. Я сказал о нем как о предположении. Опять же это цель моего журналистского расследования.

— А подробности о конфликте можно? Хотя бы слухи? — спросил писатель.

— Бен, — упрекнул Шнапс.

— Почему нельзя, можно, — скучно произнес Игнатов. — Но мои слова ясности не добавят. Они только всё запутают.

— И всё ж...

— И всё ж, слушайте...

В развязывании войны были виноваты черные люди. Причем черный цвет указывал не на расу, а на неясность происхождения этих людей. Их можно назвать темными людьми, так как в темноте плохо рассмотреть очертания и уловить суть, но слово «темный» ассоциировалось с безграмотным человеком, поэтому виновники оказались черными людьми. Они возникли из ниоткуда и, кажется, исчезли внезапно. Куда? Неизвестно. Какое отношение они имели к причинам вооруженного конфликта, Бен так и не понял. К концу истории прогрессивный писатель четко осознал только одно: черные люди — это литературное ружье, которое не стреляет, а причина конфликта была похоронена под грудой словесного мусора и обломками недоразумений.

Диалектически война оказалась вне системы причина-следствие, и количество не переходило в качество. Теперь ясно, почему СМИ не касались этой темы, а лишь упомянули о литерном поезде. Война, которая непонятна людям, находящимся перед телевизором, имела бы низкий рейтинг просмотра. Эфирное время стоит дорого, а то, что не окупается в СМИ, не получает экранного времени.

Единственное, что понял Бенджамин Ян, это когда черные люди пытались оригинальным способом остановить войну. Они хотели изменить политику приема военнопленных и взаимобмена между конфликтующими сторонами. Когда дело стало буксовать, черные люди сказали, что заправляют здесь они, и они здесь решают, кому давать статус военнопленного, а кому беженца. Все это было абсурдно, ведь если черные люди спровоцировали военный конфликт, то почему не заставить одну из сторон сесть за стол переговоров? Посади одну, сядет и другая. Этого не случилось. Вместо логического шага произошел нелепый прыжок в сторону: то самое навешивание ярлыков «военнопленный» и «беженец».

По сути, черные люди решились на косметическое изменение в войне, словно хотели не убить зомби, а надеть на него маску добропорядочности. Это было бы смешно, если бы не было так печально и неразумно. Ребрендинг случился, но зомби продолжал шарахаться из стороны в сторону с напыленной на голову нелепой конструкцией.

— Запредельно, — выдал Корнелий, когда история о войне была окончена.

— Мне она тоже непонятна, — согласился Борис Игнатов.

Прогрессивный писатель хмыкнул и погрузился в нелегкое размышление об иллюзорности происходящего сейчас за столом. Бен ясно представил, чуть ли не увидел, как невидимая рука потянулась за выключателем и зажгла прожектор, свет которого, будто свинцовый — серый и холодный — упал на столик. Удивительно, как свет не нарушил гармонию окружающего мира? Свинцовоносный эфир незримого наблюдателя вырезал круг отчуждения прожектором и ждал продолжения беседы трех человек.

Люди молчали.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Корнелий писателя.

— Тоже, что и ты.

Бен не желал распространяться на тему войны, ибо ничего не понял из рассказа, его удивляло только одно: как история, состоящая из знакомых и простых слов, могла лишиться какой-то ни было ясности. Слова сцепились, как цветы репейника, в нелогичные цепочки и обрушили всё.

Деконструкция реальности.

— Это нарушает всё, — вслух произнес Бенджамин Ян. — Я не боюсь рассуждать о войне, о запретных темах, но в конкретном случае... Сами понимаете... Я здесь бессилен.

— Согласен, — подтвердил Борис Игнатов. — Полностью вас поддерживаю в вашей растерянности, если так можно сказать. Вот поэтому и отправляюсь на место, чтобы разобраться.

— Что ж, желаю удачи, — сказал Корнелий.

— Спасибо. — Журналист доел, встал из-за стола и попрощался: — До свидания. Скоро в новостях вы узнаете. Интрига будет раскрыта.

— Надеемся только на вас, — не без иронии сказал Корнелий. — До свидания.

За столиком остались два человека.

— Ну? Как насчет романа? — спросил Корнелий.

— А если описать один день...

— Такое уже было в литературе.

— Знаю. Джеймс Джойс. «Улисс». Только я совсем не о том подумал. Джойс играет с формой, а я буду играть с сутью.

— Это как?

— Разрушать ожидания читателя. Ломать всю структуру, не затрагивая формы, стиля... Скажем, так... Возьми классический древний роман. Рыцарский роман, например.

— Ну, ты копнул. Это почти эпоха динозавров.

— Динозавров в сторону. Итак... Например, как я сказал, рыцарский роман. Представь себе финал истории: рыцарь врывается в башню, в которую заточили прекрасную деву. Заточил ее злой колдун. Что должен сделать в этом случае рыцарь?

— По канону: убить злого колдуна и спасти прекрасную деву. Башня, конечно, находится на замковой территории, поэтому главный герой отыскивает злодея, убивает его, срысывает с его еще теплого тела ключ, затем открывает дверь в темницу и выпускает на свободу принцессу, или кто она там окажется. Далее — всё: счастливый конец, свадьба.

— А если рыцарь сделает наоборот?

— Убьет прекрасную деву, спасет колдуна?

— Кардинально, однако... Но... Но предположим, он не будет освобождать принцессу, а пойдет только к колдуну. Колдун: «В чем дело? А, я тебя узнал, ты величайший рыцарь на всем Средиземье, и я догадался, ты пришел убить меня и освободить прекрасную деву». Рыцарь: «Ты ошибаешься. Принцесса в башни, вот пускай она там и продолжает куковать; на самом деле, я пришел освободить тебя». Колдун: «Освободить? От чего?». Рыцарь: «Я преодолел сотни дорог, многое повидал на свете, был на вершине счастья и мог умереть, но я избежал всего и, награжденный бесценным опытом странствий, стою перед тобой и хочу сказать тебе только одно, надеюсь, ты не обидишься». Колдун: «Ну же, не тани время, раз явился, то говори». Рыцарь: «Будь мужчиной. Не будь подкаблучником. Зачем тебе это чертова баба в башне. Айда со мной. Вместе мы столько дел сможем наворотить, небеса содрогнутся». Колдун: «Ты говоришь то, о чем я думал всегда. По рукам! А бабы... Ну, их всех к бесу». История окончена. Ну, и как ты сказал: счастливый конец.

— Мда... Повестка антифеминистская. Но в целом, в качестве идейного наполнения для нового романа... Почему бы и нет.

— Можно придумать и иной сюжет. Это лишь трафарет, по которому следует работать. Берем сюжет и переставляем местами акценты.

— А жанр?

— Жанр не имеет значения, да и то, что сейчас называют жанром всего лишь setting.

— Фантастика не жанр?

— Фантастика — это условность. Вот возьми классический пример из английской литературы. Возьми любой пример. Прямо сейчас. Не думая, что приходит тебе на ум?

— Древний классик. Уильям Шекспир и его трагедия «Гамлет». Извини, но мне ничего приличного на ум не пришло.

— Отличный выбор. Пьеса является трагедией. Пьеса — это форма, а трагедия — и есть жанр. В искусстве существуют только три жанра: трагедия, комедия и драма, всё остальное — от лукавого, как говорится. Берем «Гамлета» и переносим его в setting постапокалипсиса и космической фантастики, по сути ничего не меняя.

— Продолжай.

— Например, на Земле случилась невероятная техногенная катастрофа, в результате люди переселились в космогорода, а на планету человечество совершает вынужденные экспедиции, сопряженные с большим риском, да и экспедиции эти дорогостоящие. А где звон презренного металла, там есть корпорации. Этими экспедициями и руководит одна корпорация, во главе которой стоят два брата. Только один думает о прибыли, а другой думает о том, как направить эту прибыль на изыскание технологий, что позволят восстановить биосферу планеты. И тут первый брат узнает о том, что его брат нашел дешевый способ терраформировать Землю, а это означает, что в будущем не станет экспедиций, а значит, прощай сверхприбыль. И первый брат убивает второго.

— Каин и Авель? Отсылка на этот миф?

— Есть такое. И заметь, экологическая повестка.

— А где прячется Гамлет?

— Второй брат знает о том, что кровный родственничек точит на него зуб, но это его не спасает. Первый брат убивает второго путем воздействия особым излучением низкой частоты, какой-то там модулированный сигнал, что ухо не слышит, а мозг воспринимает. Второй брат умирает от разрыва сосуда в головном мозге. В медицине я не разбираюсь. Далее. Сын умершего брата получает по зашифрованному каналу отсроченное видеосообщение...

— Его записал второй брат незадолго до смерти!

— Верно.

— Тень отца Гамлета.

— Точно. По сути, отец-то мертв, а видео — как послание из загробного мира. В нем умерший отец и называет убийцей своего брата. Это только завязка.

— Почему бы тебе не написать подобное?

— Слишком просто.

— Выбор за тобой. — Шнапс задумался. — Я понимаю, тот же прием: деконструкция старой литературы, но в простом изложении может скрываться путь к талантливому производству. Не буду ограничивать твою свободу и фантазию, думай... Может, пойдем?

— Да. Засиделись. — Бен глянул на браслет. — Уже за полдень.

Но торопиться особо было некуда.

Они расстались у заведения, и пошли в разных направлениях.

Прогрессивный писатель отправился к себе домой, размышляя над темой будущего романа. Опять припомнился то ли сон — сейчас он сомневался: а сон ли? — то ли явь. Ему показалось, что это было всего лишь размышлением в состоянии сна. Мозг машинально перемалывал слова как мельница зерна в муку, только зерна перемалывались в прах вместе с плеведами, отчего заготовка — мука — оказалась грубой субстанцией.

«Поли, как там ее, ост, всё это интересно, конечно, — подбрасывал фразы Бен, — это очень интересно, но идея, одно дело идея, а другое... Иметь сюжет, иметь представления, чтобы можно было куда встроить идеи, как жемчуг инкрустировать в цепочки переплетаю-

щихся линий, всыпать осколки драгоценных камней в толщу стального потока слов. Магазин. Не забыть сходить. Можно заказать еду на дом. Сюжет. Не клеится он в голове, не сходится, лучше пройтись до магазина. Гипермаркет? Пожалуй, нет. Есть только застывшие фотографии новой реальности, неспособные оттаять, ожить, зашевелиться и заговорить. И они... Они молчат. Картины молчат среди серой бездны неведомого. Как башни молчания...».

Бен поднимался в лифте на семьдесят шестой этаж.

Башня молчания.

Бен увидел их множество.

Простиралось бескрайнее зеленое поле, как безмятежность. На поле произрастала ярко-зеленая невысокая трава, и травинки, как солдаты на параде, подобраны одна к другой. Стояли они, ошетилившиеся, одинакового роста, будто газонокосильщик ежедневно стриг, ежедневно подравнивал, отчего ландшафт казался искусственно созданным не руками человеческими, а нейросетью. Среди поля стояли высокие башни, устремлявшиеся в небо. Вся архитектурная особенность этих зданий указывала на застывший полет ввысь, но камень крепко стоял на земном и брэнном. Ничто не могло поколебать каменный поток башен молчания, их странный экстерьер, эти арочные окна, зубцы наверху и единственная дверь. Странная дверь. Дверь квартиры. Бен ненадолго заглянул в квартиру, только взял стильную сумку — магазинные пакеты хоть и биоразлагаемы, но уродливы, — осмотрелся и минуту спустя был опять в лифте.

Кстати, у соседа, у Юджина тихо. Бен не прислушивался, но, вроде, имелась некое подобие жизни за стеной. Юджин что-то делал, возможно, обедал на кухне, возможно...

Улица.

Магазин недалеко.

Бен в минимаркете.

Он отправился привычным маршрутом; что взять, что делать знал: сумку в красную корзину, скользить вдоль ярких полок, набрать быстро продуктов (уже готовые к употреблению, или полуфабрикаты) и идти в сторону кассы.

Трое мужчин прошли в двери, лица их скрыты, на руках перчатки, через плечо одного из них перекинута сумка в спортивном стиле — синего цвета и белая абстракция на боку. Сумка похожа на сдувшийся мяч. Лица их скрыты. Масками? Балаклавы, кажется — последняя мысль. Затем пистолеты и выстрелы в потолок. Музыка смолкла. Металл пуль разорвал электрические связи аудиосистем магазина. Динамики молчали. Только один чудом выживший динамик беспокойно блеял у двери в подсобное помещение.

— Дерьмо! — крикнул террорист. — Все на пол! Живо! Сели! Легли! Неважно! Дерьмо! Как вы можете слушать подобное дерьмо?! Это вам... Абанамаат!

Дула пистолетов шарят мертвыми глазами по продавцам и покупателям.

— Вот, что нужно слушать, дегенерация!

Второй террорист, тот, что с ношей, запустил руку в сумку, достал кипу ретро компакт-дисков и кинул перед собой, затем повторил действие дважды: кинул диски налево и направо.

Один из дисков в прозрачном футляре скользнул к Бену. Он заметил, как старый компакт прошуршал по полу и нырнул в щель — пространство между искусственным камнем и нижней полкой с продуктами. Из-под полки стал выглядывать лишь край футляра. Бен, опасаясь, поднял взгляд, но террористы улизнули на улицу, оставив на стеклянной двери криво наклеенный стикер со словами «АЦЦКИЙ ОТЖЕГ».

Первое, что сделал прогрессивный писатель: просунул ладонь в щель, извлек диск и положил его в свою сумку. Он не отдавал отчета, зачем ему проблемы, он прекрасно понимал, что это улика, что полицию уже вызвали, что его могут спросить о диске, но мозг был отключен, действовал непонятный ему инстинкт.

Магазинная жизнь вошла в привычное русло. Люди вставали, ходили по минимаркету. Бен отправился к кассе. Появилась полиция. Как из-под земли возник администратор. Полицейские потребовали запись с камер и стали собирать диски. Администратор вернулся с записывающим устройством. Один из служителей закона был с ноутбуком. Раскрыв его, он вставил устройство в разъем, затем кивнул и закрыл ноутбук.

— Уважаемые посетители магазина, — начал громко говорить полицейский, — вас не будут задерживать, ибо право на частную жизнь никто не отменял. Мы получили всё, что нужно с камер наблюдения, но если кто-то понадобится нам в качестве свидетеля, просьба без задержки отвечать на письма из центрального управления полиции Мега-Сити. Спасибо за внимание. До свидания.

Радиоточка, благодаря музыкантам, не работала, поэтому микрофоны в магазине молчали. Бена насторожил инцидент. Можно ли его назвать инцидентом? Акция музыкантов длилась не более минуты, полицейские появились почти в следующее мгновение, словно они шли по следам террористов, но боялись наступить им на пятки. Бен не смог выразить гнетущего ощущения эрзаца, подделки и фальши. Он не понял, откуда возникло мерзкое чувство непричастности, причем непричастности пространства и времени в отношении его личности. Прогрессивный писатель впервые видел работу органов правопорядка так близко и вживую, возможно, так и должно быть, а его домыслы сами по себе фальшивка, но метафорическая трещина в пространстве и времени, возникнув в минимаркете, не исчезла. Сквозь нее бил аномальный свет, источник которого — мысли об искусственности происходящего вокруг.

Бен расплатился на кассе и не запомнил дороги домой. Очнулся когда раскладывал продукты по полкам в холодильнике.

Фальшь.

Эрзац.

Искусственность.

Теперь им завладело чувство ирреального: он увидел сон. То, что случилось с ним несколько минут назад, на самом деле случилось не с ним, Бен оказался сторонним наблюдателем в чьем-то сне, оказался скрытой камерой наблюдения в белых интерьерах минимаркета. Но камеры записывают настоящее, они не заглядывают в прошлое, просто записи сразу становятся прошлым.

Полицейские, догадался писатель, не могли появиться там, где ничего не намечалось противоправного. Значит, они следили за музыкантами, но почему-то допустили инцидент.

И все ж...

Бен — видеокамера, насильственно втиснутая кем-то в мир со словами: «А теперь на, полюбуйся».

Отчужденность.

Или, все-таки эти шершавые ощущения являются зачатком глубокого понимания мироустройства? Кто-то действительно впихнул его, но с условием, что он будет действовать.

Бен запутался.

Он, закрыв холодильник, долго смотрел на глянцевую поверхность черной дверцы, будто пытался рассмотреть себя в черном зеркале настоящего.

Ум, казавшийся до этого острым как бритва, притупился. Слова, складывающиеся вяло в предложения, ощущались ватными, сознание не смогло нащупать их фактуру. Точно как вата. Берешь ее, а пальцы тонут в почти неощутимых волокнах. Нет, вата просто мягкая, и она ощущается, еще как ощущается, поэтому всё похоже на облако — вот, где нельзя зацепиться. Облако — обман всех человеческих чувств. С земли оно видится плотным, а приблизишься — и пройдешь сквозь него.

Бен вспомнил далекое детство, в котором он нашел искусственную вату. Была натуральная вата, ее делали из хлопка, вроде, а вот ненастоящая выглядела по-иному. Вначале трудно

уловить разницу, но присмотревшись, он сразу заметил отличия. Искусственная вата приятна взгляду. Она так старалась быть похожей на настоящую вату, что переигрывала, отчего лоснилась при ярком свете и пружинила в пальцах. Ребенком Бен любил, зажав кусочек искусственной ваты между пальцами, поднести его к уху и с усилием потереть. Вата скрипела подобно морозному снегу под ногами. Искусственная вата не понимала, что все ее старания безнадежны, она никогда не сможет стать натуральной и, видимо, — Бенджамин Ян ощутил это остро — прогрессивный писатель никогда не станет настоящим писателем, не станет настоящим художником. Бен проглотил этот горький кусок, еще не понимая и не веря, что террористическая акция в магазине смогла сломать что-то внутри, а, сломав, смогла породить цепь гнетущих мыслей.

Музыканты.

Бен вспомнил о сумке. Там лежал диск. Его называли компакт, а еще лазерным, так как данные — логические нули и единицы — читал лазер с определенной длиной волны. Сейчас была мода на всё древнее, поэтому прочесть диск не представляло труда.

В зале был проигрыватель. Бен загрузил диск. Сразу поставил на паузу и убавил звук. Он осмотрел коробку. Она оказалась пустой, на диске, кстати, надписи тоже отсутствовали.

Установив громкость на минимум, Бен запустил проигрывание.

— Придется говорить с вами на вашем языке, аццкий состо́на! Что хочу сказать? Хочу вас предупредить: это было и раньше. History повторяется. То, что кто-то слушает эту запись и думает, что слушает *in first time*, на самом деле он ее слышал и раньше. Нечто подобное уже происходило. Нет ничего вечного и нового под луной, как говорили древние. *Everything is old!* Нет нового сладостного стиля. Древние также косячили. Они придумали постмодернизм. *Come on, my friends!* Нет никакого премодерна, модерна, постмодерна, метамодерна, ультрамодерна, проксимодерна и прочего *slag*. Новая искренность — это *label*, предусмотрительно повешенный на лицемерие. Ничего нового этот муравейник уже тысячу лет не создает, он просто переваривает сам себя. Все ждут трехтысячного года, но это только цифра, а цифра это ничто. После этого года заработает, наверно, какой-нибудь искрящийся *super project*. Он повесит туеву хучу *labels* и *tables* на старые явления и назовет это новым словом истины, но истина не бывает новой или старой, потому что она одна и она вечна. Короче, даже мое словоблудие это есть шевеление в муравейнике, переваривание самого себя в собственном желудочном соке. Не будет ничего нового. Просто поставят унитаз среди белоснежного кафеля, крышку опустят, а стыки обработают *sealant*, чтобы нельзя было поднять крышку и сделать соответствующее дело. Но это будет новым словом *in art* — так скажут пластиковые пророки, а конец-то близок, его не отсрочишь этот персональный апокалипсис, поэтому я заканчиваю. Приятного прослушивания.

Дальше заиграла соната для скрипки и фортепьяно Джузеппе Тартини «Трель Дьявола».

Вскоре пришла Джейн, и разум Бена плавал в тумане неопределенности и, если бы Джейн спросила его, о чем он думает, то Бен затруднился ответить. Слишком усложнился мир в последние часы.

Музыканты. Мысли о них подобны засохшим хлебным крошкам в постели: сколько не выметай, последняя крошка всегда оставалась. Хотя прогрессивный писатель никогда не позволял себе есть в постели. Во-первых, не гигиенично, а, во-вторых, это проявление лени.

Сейчас Бенджамин лежал рядом с Джейн в кровати, а мысли, пусть и не сухое вещество — хлеб, а жидкое, бродили, словно прокисшее молоко, или молоко не бродит? Натуральное — да, раньше — да, сегодня же магазинное молоко по истечении срока годности становилось горьким, его приходилось выливать в канализацию.

Музыканты.

Какая-то бессмыслица, чепуха и белиберда. Внутри плескалось спокойное море, эмоции утихли, и на фоне штиля бродившие мысли четко обозначили абсурдность существования

террористической организации музыкантов. Бен в воображении рисовал на потолке пальцами круги, будто визуализировал ход собственных размышлений. В чем смысл борьбы с будничной музыкой, зачем уничтожать электрические коммуникации, питающие музыкальные проигрыватели на улицах, например, или скрытые колонки в общественных помещениях?

Между прочим, если они знают, как проложены провода за панелями, значит, кто-то из их группировки имеет представление об электромонтаже, или еще проще, кто-то работал в общественных местах. Магазины. Минимаркеты. Гипермаркеты. Сфера услуг огромна, в ней много людей вращается, они ничего не производят, только стоят (условно) у прилавка. Кассы самообслуживания. Между полок с продуктами ходят туда-сюда посетители, только камеры — глаза продавцов. Выходя из магазина, автомат музыкальный был разбит, не заметил, думал об ином, о чем я думал, о забытии, о том, чтобы скорее забыть о... Джейн. Легкая улыбка на бледных губах. В чем источник красоты? В давным-давно сформировавшихся генетических традициях, то есть не то чтобы уж красиво, не об абсолюте красоты идет речь, абсолюта не существует, всё в жизни относительно. На самом деле отсутствуют четкие границы между черным и белым, есть плавные переходы, градиенты, размазанности граней.

— Ты так смотришь...

— Как?

— Что-то тебя занимает.

— Музыканты.

— Террористы?

— Да. Я их не понимаю.

— И не надо. Тебе из полиции...

— На почте ничего.

Диск. Дьявольская трель.

— Мне кажется, за мной следят.

— Кто? Муж?

— А кто же еще.

— Кажется, или ты на самом деле кого-то заметила?

— Не придирайся к словам. Кого можно подозревать, кроме мужа?

— Я пытаюсь прояснить, а не придираюсь к словам.

— Это тупик.

— Мои попытки?

— Наши встречи.

— А кроме?

— Не поняла.

— Где еще есть тупик?

— Ах, это... Да везде. Но я не знаю, что делать дальше. Вроде, всё меня устраивает, но...

— Но?..

— Бледная реальность.

— Согласен.

Бледная реальность. Хорошее словосочетание. А еще лучше вот так: стертая реальность.

— Слышал о «полуночном квесте»? — спросила Джейн.

— Очередная вещица от скуки?

— Да. Только я не пробовала. Адрес знаю.

— Скинь.

Джейн перевернулось на спину, посмотрела на запястье. Фитнес-браслет. Сердце — сто пять ударов в минуту. Откуда? Пытается достучаться?

— Скинула.

— Вижу. Это недалеко от меня. Может, того стоит.

— Может. Я не ходила.

Стертая реальность.

Человек скользит одиноко мимо полок с музыкальными дисками. Кроме этого человека в магазине никого. Не пытаемся ли мы, окружая себя бодрими звуками, отгородиться от пустоты, или заполнить суетными движениями пустоту? Наверно. Точно нельзя сказать. Древние люди, например, не для этого же сочиняли композиции, не ради пустоты вкладывали смыслы в изгибы скрипичных и басовых ключей, нот на нотном стане?

Композиции.

Сюжеты.

Не ради сюжетов читаются книги. Все сюжеты просты и неуникальны, немного основных сюжетов, на пальцах обеих рук их можно пересчитать. Интересные мысли, необычные образы, визуализация в словах. Слова, слова, слова, слова... И все эти истории пролистнуть и забыть: сыворотка правды, музыканты, ток-шоу, кулинарные шоу. Слишком много историй, но всё-таки не История. Да, с большой буквы: Всемирная История. Ее очень-очень много. Что я делаю всю свою сознательную жизнь? — Существу среди истории человечества, пытаюсь проснуться от этого кошмара. Возможно, бытие современного цивилизованного или цивилизационного человека заключается в хождении среди нагромождений прошлого? Ходить и удивляться, смотреть и спрашивать: а было ли? Вот, что значит оказаться в окружении Истории. Не уметь ценить этого, нет, не так, даже не осознавать всего сделанного, задыхаться, ведь горожанин не готов покинуть город, а если покидает, то несет в себе город, городской образ жизни. Лучше умереть среди искусственного камня, пластика, стекла и металла.

Она взялась за металлическую ручку и о чем-то говорила.

Джейн возмутилась:

— Бен, да ты меня не слушаешь!

— Прости, выбился из колеи.

Какой, интересно, колеи?

— Я пойду, а то муж...

— Не говори о нем.

— Извини, я не хотела. Я ведь глупая?

— Нет, ты не глупая.

— Нормальная женщина не говорит о своем муже с другим мужчиной, знакомым или незнакомым мужчиной, не важно. Просто не говорит.

Бенджамин вопросительно посмотрел на Джейн. Она вымолвила:

— Да, не говорит. Почему? Не знаю. Ну... Это ведь атавизм пещерный.

Пафос? Поза? Игра?

— Увидимся?

— Да, Бен. Позвоню.

— Позвони... Кстати...

— Да?

— Ничего.

— До встречи.

— Буду ждать.

Дверь закрылась точно навсегда, но мысль о роковом закрывании только мазнула, как мажет кисть масляными красками по стеклу.

Прогрессивный писатель глянул на фитнес-браслет.

«Полуночный квест»?

Почему бы и не сходить.

Бен оделся и покинул квартиру.

Вновь это странное закрывание двери, в этой бесшумности звучало веление судьбы, которое не расслышать.

Почему это называется полуночным квестом?

Бен спустился на цокольный этаж: имелся узкий коридор, в котором могли разойтись с трудом два человека, дальше не видно окон, ни указателей, только безымянная дверь, обитая железом. Освещение тусклое. На потолке не потрудились сделать пристойные светильники, хотя, что означает выражение «пристойный светильник» для захолустного места? Пожалуй, две светодиодные лампочки, болтающиеся на старых проводах, как нельзя лучше подходят. Прогрессивный писатель решил, что провода старые, ибо они были защищены тонкой асбестовой материей. Сейчас подобное никто не использует, обычно кабели питания защищают тугоплавкой негорючей синтетикой.

Бен открыл дверь и сразу оказался в небольшом помещении. Оно выглядело более современно: чисто, прохладно и хорошо освещено. Ничего лишнего. На площади в двадцать квадратных метров располагались справа и слева две конторки, похожие на гигантские пластиковые стаканы. В каждом стакане сидело по девушке. Как две рыбы в разных банках, подумал Бен.

Между конторками имелась дверь, на этот раз массивная, кажется, бронированная. Вместо ручки — стальной штурвал.

— Здравствуйте! — одновременно сказали девушки.

— Меня зовут Присцилла, — голос слева.

— Хари, — прозвучал голос справа.

— Бен, — машинально ответил писатель.

— О, я вас знаю...

— Хорошая реклама для нашего нелегального бизнеса.

— Нелегального? — удивился Бен.

— Прис, не пугай гостя. Полулегального.

— Да. Полулегальный. Полуночный квест.

— А почему он так называется? — спросил писатель.

— Потому что здесь... — Хари указала наманикюренным пальчиком в сторону массивной двери. — Всегда полночь. Неважно, что происходит наверху. Утро. День. Вечер. Здесь всегда ночь. Так вы писатель Бенджамин Ян?

— Верно.

— Это прекрасно, — томно выдохнула Присцилла.

— Так почему полулегальный?

— Понимаете, здесь есть некоторый риск испугаться... — Хари начала говорить медленно, подбирая слова. — Опасности для жизни нет, но для здоровья... Если вы человек впечатлительный, то...

— Я бы так не сказал.

— Если вы человек впечатлительный, то можно поступить проще: вы уйдете. Мы вас не видели...

— Хотя мы вас знаем, кто только вас не знает, — вставила Присцилла.

— И вы нас не видели.

— Но я же сюда пришел, значит, о вас многие знают? — спросил Бен.

— Верно, — ответила Хари. — Но мы не делаем официальной рекламы. В сети нет о нас официальных данных. Так, слухи, сами понимаете, мы распространяемся частными каналами, как говорили древние, сарафанным радио. Так вот, вы можете отказаться сразу, не проходя через... — Хари вновь указала ноготком на дверь.

— Да, — перехватила инициативу Присцилла. — Если вы хотите узнать, отчего наш бизнес полулегальный, то вы должны шагнуть в лабиринт. Ведь эта дверь ведет в запутанные катакомбы, где древние люди прятались от последствий ядерной войны.

— По-моему, никакой ядерной войны не было, — сказал Бен.

— Кто знает. Было. Не было. Тысяча лет прошло. Так вот, если вы пройдете в лабиринт, то узнаете, отчего наш бизнес полулегальный.

— Насколько я знаю, входы в старые убежища закрыты, ибо есть вероятность обрушения...

— Нет, господин Ян, древние строили не то чтобы на века, на тысячелетия. Я думаю... Мы думаем, причина другая.

— Катакомбы хранят, возможно, свои тайны, — закончила Хари.

Девушки замолчали.

Бен посмотрел на Присциллу, затем на Хари, и подумал о кровном родстве, или, по крайней мере, об одной яйцеклетке, из которой вышли девушки. Они похожи как сестры, родство подчеркивалось одинаковым фасоном причесок. Разница имелась в цвете волос: у Хари темные, а у Присциллы светлые.

— На самом деле, вы заманиваете меня в лабиринт, — сказал прогрессивный писатель.

— Есть немного, — ответила Присцилла. — Но мы также предупредили и об опасности для здоровья. Если вы решились, то подойдите ко мне.

— Да, предупредить. Такова культура нашего общения, — добавила Хари.

Культура?

Сейчас на Земле нет никакой культуры. Она выродилась в развлечения. Теперь культурой стали называть всё, что помогает щекотать нервы, убивать скуку, созданную неограниченным досугом.

Бен подошел к Присцилле. Она через окошечко передала ему два листка бумаги и ручку. На листках был напечатан текст.

— Здесь прочтите и распишитесь на двух экземплярах. Один экземпляр оставите себе, другой отдадите Хари. Текст обязательно прочтите. В нем отмечено: за все ваши действия и бездействия, что произойдут в лабиринте, вы и только вы несете ответственность. С нас вся ответственность за то, что случится там, снимается.

«Ну, да бизнес, — подумал Бен, — ничего личного».

Писатель отдал расписку Хари, второй экземпляр положил в карман. Хари протянула ему аккумуляторный фонарь и тайзер.

— А это зачем? — удивился Бен.

— Убежище плохо освещено...

— Я о тайзере.

— Мало ли... Вдруг вам померещится. Или вы все-таки не готовы?

— Нет. Я готов.

Бенджамин положил скромное снаряжение на пол и с трудом открыл дверь, провернув стальное колесо. Петли скрипнули. Из проема подул влажный и прохладный ветерок. Воздух катакомб был непривычен, даже неприятен. Ощущались в нем грязь и заброшенность длинных коридоров со слабым освещением.

И он отправился в неведомое.

Блуждая, писатель вспомнил точное назначение подобных лабиринтов. Сотни лет назад державы жестко конкурировали друг с другом, доходило и до военных столкновений. Обычно причины войн оказывались ничтожны; бороться за идею, за территорию, за ресурсы Бен считал глупым, так как идеи можно менять, а территории и ресурсы избыточны. Сейчас на Земле двенадцать миллиардов людей. Древний Мальтус ошибся. График численности людей не растет по гиперболе, точнее, он растет линейно, затем круто задирается вверх (это и есть гипербола), а затем он выходит на плато. Достигается равновесие. Век назад человечество начало колонизировать Марс, боясь скачкообразного роста численности, однако красную планету освоил технический персонал. Постоянных поселений не возникло. Марс был заброшен. Возможно, сей-

час частные компании-гиганты пытаются что-то осваивать на просторах ржавого цвета, что-то добывать и продавать, но в земных новостях редко упоминался Марс.

«Кстати, — вспомнил писатель, — а как я вернусь обратно? Я же не спросил у них».

Бен остановился в коридоре и осветил стены. Они были исписаны белой люминесцентной краской, надпись имела только одна: «Выход», а под словом стрелка. Всё верно, именно оттуда он и пришел, так что заблудиться в катакомбах невозможно.

Он стоял на перекрестке и думал куда пойти: прямо, налево или направо? Направо. Правильное направление. Править. Правь. Корень «прав». Со словом «налево» так не поиграешь. Налево. Левое налевию. Левить. Левь. Корень «лев».

Бен повернул направо.

Кто построил этот лабиринт? Какая древняя держава? Европа? Россия? Нет, не так. Много столетий назад существовала одна держава: Европа. Она враждовала сама с собой. По крайней мере, история так говорит. Была Европа, которая делилась на западную и восточную части. Так вот, западная часть называла себя Европой, а восточная часть — Россией. Странно. Тогда... Евроссия? Был еще исторический аппендикс, кажется, именовался он Объединенными Штатами Америки. ОША. В аббревиатуре что-то восточное, буддистское, хотя это была атеистическая держава. Кстати, Европа всегда называла себя Европой. Ну, еще Евро-союз, а вот Россия... Российская Федерация, Русь, Киевская Русь... Хотя нет, Киевская Русь, кажется, исторический период. Хотя, кто знает... Русь Новгородская. Русь Ладожская. Российская империя. СССР?

Бен остановился, заметив в полумраке движение.

Показалось.

Нет, вот опять.

Тайзер.

Он опустил фонарь и, выключив его, ушел в тень.

Движение возобновилось.

Это был человек. Двигался незнакомец, стараясь избегать освещенных мест. Бен заметил лишь мужскую фигуру. Писатель нащупал кнопку тайзера. Незнакомец или уверен в себе, или не заметил приближающегося Бена. Пусть будет последнее предположение. Расстояние быстро сократилось до двух метров. Бен выставил перед собой оружие и ослепил фонарем.

— Марсианские чертовы штучки! — выругался незнакомец и поднял руки. — Уберите тайзер. И вырубите фонарь. Вам ничего не угрожает.

«Еще один участник полуночного квеста?» — удивился писатель.

Он, опустив фонарь, заметил механический протез у незнакомца. Язык света скользнул по фигуре мужчины, и металл правой руки блеснул. Бен удивился: кто-то еще использует старые технологии? О них забыли лет сто назад. Сейчас протезов не делают, даже бионику, сейчас используют 3D-печать органов, затем сращивание тканей. Так что руку новую не отличить от старой, и только бледно-розовый шрам на коже указывает на проведенную операцию. Еще незнакомец носил очки — тоже старые технологии. Возможно, участник квеста любитель ретро. Сейчас делают светокоррекцию зрения: воздействуют электромагнитным излучением разной длины волн на глаза. В крайнем, ставят контактные биосинтетические линзы.

— Не думал, что запускают несколько человек, — сказал Бен.

— Человек?

— Я решил, что я в квесте один. Один участник.

— Так вы и есть один. Я часть квеста. Пугаю.

— Протез выглядит пугающе.

Незнакомец сухо хохотнул.

— Да нет, вы всё... Вас как зовут?

— Бен. Бенджамин Ян. Писатель.

— Не интересуюсь современной литературой. Дядя Юра. Можно Юрий.
Дядя Юра опустил руки и протянул протез для приветствия. Бен пожал его.

— Протез — это марсианское наследие.

— А разве на красной планете еще идут исследования?

— За сейчас не ручаюсь, но лет пятьдесят назад еще теплилось. Я попал туда в геологический экспедиционный корпус двадцатилетним парнем, там руку и потерял. Вам интересно?

— Да. Расскажите?

— Долгая история.

— Все-таки...

— Может, потом встретимся, м? Я на работе. Как бы.

Юрий посмотрел на писателя поверх очков. В этом движении, так показалось, было что-то птичье, да и внешне дядя Юра походил на старую хищную птицу с увядшим взглядом.

— А если кратко, что произошло с вами на Марсе?

— Инопланетный артефакт.

— Что?

— Предположительно. Хотя, что я буду врать... Откуда подземное помещение, построенное во времена египетских фараонов, могло взяться на Марсе? Люди в космос тогда не летали.

— Есть гипотеза палеоконтакта.

— А еще есть гипотеза, что люди произошли от инопланетян. Чушь собачья! Будь я пришельцем, поостерегся бы высаживаться на Землю, да и заносить жизнь... Эксперимент может выйти из-под контроля.

— Так что это было за помещение?

— Небольшое пространство. Сто квадратных метров площадь. Потолок плавно переходит в стены. Короче, по форме это полусфера. Купол, изнутри выложенный плитками прозрачного янтаря. Ну, это мы так называли — прозрачный янтарь — на самом деле это странное соединение органики и мертвой материи. Внешне декоративный материал — окаменевшая смола неизвестного дерева на молекулярном уровне соединена с атомами железа, отчего янтарь слегка отдает желтизной и имеет свойства стали: упругость, легкая обработка без сколов, можно плавить, не опасаясь, что свойства потеряются... много интересного. Так вот... Может, к выходу?

Они пошли, и дядя Юра продолжил рассказывать:

— Это не самое интересное, хотя тогда ученые определили, что железо марсианское, а вот окаменевшая смола неизвестного происхождения. Сравнивали наш янтарь с прозрачными образцами красной планеты. Стало ясно, что это действительно смола дерева, только дерева, которое не росло на Земле. Интересно другое. Полусферическое помещение было пустым, почти пустым. В центре на массивном стальном цилиндре, как на столе, располагалась круглая коробка, тоже стальная. Внутри нее два отделения. В первом знакомый кусок прозрачного янтаря, цилиндрическая болванка, а во втором также марсианский янтарь, только внутри, опять же цилиндра, плескалась черная жижа. Мы уже почти пришли.

— Что за жижа?

— Расскажу потом. Если кратко, это бионанороботы без программного управления.

— Странно. Помещение. Прозрачный янтарь. Нанороботы.

— Марсианские чертовы штучки. Хотя ученый корпус на Марсе нам сказал, что не стоит искать зашифрованного послания в данном артефакте. Он сам уже и есть послание. Во-первых, идеальное полусферическое помещение. Во-вторых, соединение органики и условно мертвой материи в янтаре. В-третьих, нанороботы, собранные из биологических структур. Ну, хорошо, предположим, пришельцы показали свои возможности. Для чего? А, вот и выход. Увидимся. Я вас запомнил. Писатель Бенджамин Ян. Найду в сети.

Прогрессивный писатель покинул квест и вернулся домой. Он поднялся на семьдесят шестой этаж.

На этаже случились перемены, и интуитивно Бен понял, что изменения оказались дурными, неприятными и мерзкими, хотя откуда вырос этот липкий комок чувств, подобный смолистой субстанции? Сколько не смывай и не отдирай, он оставляет заметные следы, точно клеймит тебя. Почему они — перемены — обязательно должны быть дурными, липкими и мерзкими, отчего, например, плохими? Отчего негативными? Как негатив древней фотографии: вроде все и всё имеет свое место, ничего не поменялось, но инверсия света породила неприятие запечатленного навечно мира на снимке.

Прогрессивный писатель уловил это нечто, затем краем уха выудил из коридорной тишины неестественный звук, акустическая форма которого была ненавязчивой, но неприятной. Так иногда в какофонию городской жизни пробьется чужеродный организм. Он и произвел этот тихий замогильный звук.

Бен заметил приоткрытую дверь в квартиру Юджина, яркий и плотный белый свет, услышал тихие разговоры.

Раньше писателя голоса за стеной не удивляли и не волновали, он к ним привык. Юджин часто водил к себе друзей и знакомых. Вели они себя воспитанно: особо не шумели, музыка (или ритмичные звуки похожие на музыку) не играла громко, иногда глухо всплывали разговоры, отчего-то напоминающие дискуссии, переходящие на повышенные тона. О чем они спорили, а это действительно походило на спор, неизвестно, но затем громкость спадала, и опять посиделки Юджина с друзьями превращались в респектабельный вечер.

Иногда за стеной наступала полная тишина. Позже писатель узнал от самого соседа, что его не было несколько дней: Юджин ездил к знакомым в приморскую часть Мега-Сити.

Сейчас же голоса за приоткрытой дверью оказались чужеродными. Скорей всего, решил Бен, оттого, что дверь приоткрыта и это неестественно.

Он не успел пройти в свою квартиру. От Юджина вышел человек явно старше Бенджамина, или никогда не посещавший косметолога. Есть в городе группа людей, которая пренебрежительно относится к внешнему проявлению здоровья. Такие люди могут одновременно не употреблять алкоголь, табак, посещать фитнес и быть безразличны к состоянию кожи. Тела таких людей слегка мускулисты, они с признанием относятся к физическим истязаниям бодибилдингом. Возможно, незнакомец был из когорты антигламуристов.

Он, лицом похожий на сову, что до конца не проснулась, быстрым шагом приблизился к Бену.

— Добрый вечер. Бенджамин Ян, верно?

— Да.

— Сосед Юджина Барета?

— Да.

— Вы сегодня его видели?

— Конечно... Но...

— Простите, не представился. — Мужчина показал пластиковое удостоверение, отогнув ворот одежды. — Николай Горобец. Инспектор полиции Мега-Сити Приморского округа.

— Конечно, я сегодня виделся с Юджином.

Николай пристально посмотрел в глаза Бенджамину, ожидая продолжение фразы, и писатель коротко рассказал о двух встречах: вначале дня, когда Бен спускался на лифте и после посещения спортзала.

— Забирал заказ? — уточнил инспектор.

— Да. Не знаю, что за заказ... Хотя нет, вспомнил. Это было твердое мыло в прозрачной упаковке. Он мне еще показал...

— Мыло? Это интересно. Хорошо. Пройдемте к господину Барету. Не беспокойтесь. Пустая формальность. Оpozнание.

Бен только кивнул.

Они вошли в квартиру. Писатель заметил молодого напарника-полицейского, который что-то печатал в планшете. Напарник на мгновение поднял взгляд на вошедших людей и опять погрузился в протокол.

В воздухе витал цветочный аромат, он стал сильнее, когда инспектор провел Бенджамина Яна в ванную комнату. Ванная была заполнена водой, в воде лежало на спине тело Юджина. Голова его была приподнята и покоилась на шейной надувной подушке, а сама подушка крепилась шнурами к бортам ванны. Тихо играла расслабляющая музыка в стиле «новая грань». Сквозь музыкальный шум иногда возникали одинокие японские флейты и невнятные звуки природы.

— Это он? Юджин Барет?

— Да.

Бен осмотрелся. На косметической тумбочке лежал проигрыватель, похожий на хоккейную шайбу. Оттуда и играли флейты. На змеевике осушителя для полотенца лежал цельный кусок мыла, напоминающий большую прозрачную зеленого цвета пилюлю.

— Даниэль! — крикнул инспектор. — Пакет покажи господину Яну.

Напарник встал в дверном проеме ванной комнаты, показывая пакет и его содержимое.

— Это он. Тот заказ, — подтвердил Бен.

— Спасибо, Даниэль.

— Что дальше? — спросил напарник. — Протокол я набросал.

— Вызывай «BIOTEC». Ну, и скорую помощь. Патологоанатомический отдел. Но сначала «BIOTEC».

— Стоит ли?

— Давай, вызывай, — устало вымолвил Горобец.

Даниэль ушел в другую комнату.

— Что случилось? — невпопад спросил писатель.

— Сами видите.

— Я о том, как он умер?

— Что-нибудь слышали о крип-крэпе?

— Крип...

— Крип-крэп. Психоделический наркотик.

— Нет.

— Может, оно и к лучшему, — задумчиво произнес инспектор. — Вы можете идти к себе, но никуда не уходите. Потом, если понадобится, мы к вам заглянем, а сейчас... — Они вышли в зал. — Вызвал? — Даниэль кивнул. — А сейчас отдыхайте.

— Можно вопрос?

— Конечно.

Бен и Николай задержались в коридоре у открытой двери в квартиру Юджина.

— Вы назвали «BIOTEC». Зачем?

— Скажем так, в рамках этого дела они сотрудничают с полицией. Постмортальное нейросканирование. Слышали? Их изобретение.

Об этом писатель знал поверхностно. По сути, оно ничем не отличалось от нейрограммы головного мозга живого человека. Разница была лишь в том, что у трупа мозг сохраняет рефлекторную активность даже после фактической смерти. Можно ли назвать это необратимой клинической смертью, Бен сомневался, хотя такой термин мелькал в научно-популярных и околonaучных статьях. На самом деле жизнь мозга без кислорода являлась тихой агонией

нервных связей, и цель постмортального нейросканирования — успеть «снять» как можно больше «следов» памяти с тех нервных волокон, которые не подверглись деградации.

Бен вошел в свою квартиру, осторожно прикрыл дверь и машинально засунул руки в карманы. Пальцы правой руки наткнулись на бумагу. Это оказалась расписка «полуночного квеста». Он скомкал ее и отправил в утилизатор. Затем подумал о диске: «Закинуть в утилизатор?».

Писатель взял запись, но вместо того чтобы избавиться, прослушал ее вновь: «... Не будет ничего нового. Просто поставят унитаз среди белоснежного кафеля, крышку опустят, а стыки обработают sealant, чтобы нельзя было поднять крышку и сделать соответствующее дело. Но это будет новым словом in art — так скажут пластиковые пророки, а конец-то близок, его не отсрочишь этот персональный апокалипсис, поэтому я заканчиваю. Приятного...».

Лоток с диском выехал из устройства.

На самом деле, не стоит прятать запись, обыска в квартире не будет, причин для обыска нет, ордера нет, да и право на личное пространство никто не отменял, а эти слова террористов не более чем словоблудие, в них много пафоса и искрометности, но нет содержания. Красивая обертка, прячущая пустое тело звуков, сотрясение воздуха квартиры ради создания эффекта сотрясения мозга, но никакого сотрясения и потрясения тирада не вызвала. Звук пуст. Предложения и фразы, ради самих предложений и фраз. Это похоже на современное искусство. Если раньше искусство хотя бы делало вид, что оно создает новое и надмирное, то теперь даже нет иллюзии работы с метафизическими концепциями. Усталость и импотенция духа, инфантильность, асексуальность, вербальная и визуальная дряблость образов — вот и всё, что есть современное искусство. Безобразие — это отсутствие заряженных пассионарностью образов и символов. Импотенция во всем. Даже индустрия порнографии стала асексуальной немощной и беззубой старухой. Что делать порнографии в полностью порнографированном мире? — Исчезнуть.

В дверь позвонили.

На пороге стоял Даниэль.

— Здравствуйте. Много времени я у вас не займу.

Полицейский показал планшет.

— Да, конечно. Только на пороге не стойте. Пройдемте на кухню. — Они прошли. — Садитесь. Микролад?

— О, было б неплохо.

— У меня есть клубничный.

— Пожалуй.

Бен налил гостю и себе. Даниэль сел и, бросив взгляд на фитнес-браслет писателя, что лежал рядом с кофемашиной, продолжил:

— Здесь файл протокола, в котором говорится, что вы опознали Юджина Барета. Ознакомьтесь. Под текстом квадратная рамочка. Если согласны, приложите большой палец.

Бен прочитал внимательно небольшой текст на планшете и оставил отпечаток.

— Благодарю. — Даниэль вновь посмотрел на браслет писателя, затем наполовину опорожнив стакан с напитком, спросил: — Я сейчас задам, возможно, странный вопрос. Господин Барет не упоминал музыкантов? Я имею в виду ту террористическую организацию.

Внутри на мгновение похолодело, и писатель физически ощутил, что диск с записью сам выползает из ящика и зигзагами движется в сторону полицейского.

— Нет, не упоминал.

— Не удивляйтесь. Есть подозрение, что музыканты — это один из каналов распространения наркотика крип-крэпа и... — Даниэль глянул на запястье. — Скоро явится «BIOTEC». ...И поэтому нам важна любая информация, даже несущественная мелочь.

— Юджин ничего не говорил о музыкантах. А можно задать вопрос?

— А вы любопытный. Хотя для писателя это нормально. Что за вопрос?

— «BIOTEC». Постмортальное нейросканирование. Разве это не похоже на чтение мыслей? Ведь можно прочесть сохранившиеся воспоминания, восстановить картину преступления, как бы отмотать время назад.

— И найти канал трафика?

— Да.

— Господин Ян, сразу видно вы не посвящены в детали, так сказать, в специфику. Постмортальное нейросканирование это вам не кино посмотреть. Во-первых, человеческая память не является библиотекой, где все систематизировано и классифицировано. Там нет каталогов, там сплошной хаос и только сам хозяин собственных воспоминаний более или менее разберется, но хозяин мертв. С него не спросишь. Представьте себе, что вы пришли в библиотеку, архивариус которой изобрел свой принцип каталогизации, а сам скрылся в неизвестном направлении. Более того, он не оставил ключа, что поможет расшифровать принцип каталогизации. Во-вторых, мы сканируем умирающий мозг, а значит, какие-то «экземпляры книг» уже утеряны безвозвратно. Мозг — это огромный нервный узел. Внутренняя библиотека разрушается быстро, но не сразу вся. В-третьих, крип-крэп вносит коррективы. Если б он просто разрушал нейронные связи, так он еще провоцирует ложные воспоминания. Наконец, в-четвертых, ребята из BIOTECa рассказывали, что ложное воспоминание может возникнуть и не под действием наркотиков, а в результате естественных жизненных причин. Например, как защитная функция психики. Постмортальное же бытие мозга само по себе создает ложь, потому что нейроны гибнут. Они, сотрудники BIOTECa, говорили мне: представь себе керамический сервиз из чашек, блюдец и иных столовых предметов. Так вот, умирание мозга это как если б этот сервиз кокнули. Результат — куча осколков. Причем несколько черепков теряются сразу. И есть вероятность соединить осколок от чашки с осколком от блюда. Вот так и возникает ложная информация. При этом, конечно, имеется в виду, что каждое законченное воспоминание является столовым прибором. — Даниэль опять глянул на запястье. — Заговорился я с вами. Спасибо за микролад. Пойду.

Бен проводил полицейского до двери.

Сразу после его ухода послышались шаги у лифта.

Писатель глянул в приоткрытую дверь и заметил двух людей в медицинской спецодежде и еще одного, что был одет в белую рубашку и черные брюки. Последний, видимо сотрудник BIOTECa, нес пузатый чемоданчик из серебристого рифленого металла.

Бен прошел в зал и включил телевизор на случайный канал. Его не интересовала та информация, что потечет из динамиков, хоть смысл ее он и улавливал. Внешний шум лучше настраивал писателя на копание внутри себя, и среди словесных огрызков, что метались в сознании, гигантским китом плавал вопрос: почему люди употребляют наркотики? Наркотики приносят временное удовольствие? Да. Они вызывают привыкание? Да. Они разрушают тело, начиная с нервной системы? Да. Каждый знает об этом, но что становится триггером, толкающим сделать первый шаг? Словно кто-то или что-то действительно толкает его в спину, и он перешагивает через запрет, через знания, он обесценивает прошлый опыт человечества, весьма богатый опыт употребления наркотических средств сильных и слабых. Неформально алкоголь и табак признают наркотиками в среде ярых последователей здорового образа жизни, и даже если человек не злоупотребляет выпивкой и курением, то ЗОЖники презрительно вешают ярлык наркомана. Наверно, ЗОЖники так самоутверждаются в правильности выбранного ими пути.

Бен перевел внимание на экран. Смотрел он на него рассеяно, в расфокусе, в основном слушал. Передача, идущая по каналу, была ему знакома: «Гламур & Дискурс». G&D.

<...>

680 знаков с пробелами изъято цензурой.

<...>

В «Гламуре и Дискурсе» много разных экспертов появлялось. Они приходили на передачу, садились на диван рядом с ведущим и, как бы в непринужденной беседе обсуждали серьезные темы: «а вы знаете, что будет, если...», «а поболтаем-ка мы сегодня о...», «а что вы скажите насчет...».

Сегодня говорили между делом насчет самоубийства. Перед диванчиком стоял кофейный столик, на нем: аккумуляторный электрочайник, две чашки с кофе и уменьшенная копия виселицы — всё это должно настраивать на приятную беседу. Причем гость не обязательно был экспертом в обсуждаемой теме, хоть он и назывался экспертом по инерции и заведенному этикету на передаче. Диванный критик мог быть профаном, главное, говорить уверенно и аргументировано, аргументы собеседник, конечно, словно фокусник из шляпы, доставал из своей головы. Эти мысленные зайцы прыгали по студии, мельтеша.

Бену мысленные зайцы не мешали.

<...>

1507 знаков с пробелами изъято цензурой.

<...>

Писатель выключил экран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.